

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Г. Ф. Благова

ТЮРКСК. *чабатај* — РУССК. *чагатай*-/*джагатай*-
(Опыт сравнительного изучения старого
заимствования)

Предлагаемая статья входит в наполовину осуществленную серию очерков о семантическом и лексико-семантическом развитии тюркских заимствований, относящихся к специфической области этнолингвистических понятий, в русском языке. На основе этих очерков автор надеется со временем проследить историю становления современной тюркской этнолингвистической терминологии в языке русской научной литературы.

I. Диахроническое, по возможности — фронтальное (т. е. в полном объеме дошедших до нас форм и значений), сопоставление семантического развития заимствуемого слова в языке-источнике и в заимствующем языке помогает, с одной стороны, реконструировать отдельные детали фонетического облика слова-оригинала, а иногда (благодаря ранним фиксациям в заимствующем языке) — восполнить недостающие звенья или оттенки смысловых изменений слова в языке-источнике. С другой стороны, такое изучение дает, как правило, наиболее полную и обоснованную картину семантического развития слова в заимствующем языке, в случае же терминологизирования заимствования — позволяет судить о правомерности присвоенного термину значения.

История слова *чагатай*-/*джагатай*- в русском языке представляет самостоятельный интерес тем более, что слово это почти совершенно не отражено в существующих словарях русского языка — можно сослаться, например, на Словарь Ожегова или даже на 17-томный Словарь современного русского литературного языка¹; отсутствует оно и в некоторых

¹ Это тем удивительнее, что в БСЭ¹ и БСЭ² термины *чагатай*-/*джагатай*- представлены достаточно широко. В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (т. I, М., 1935, стлб. 703) слово *джагатайский* приведено без пояснений с отсылкой «См. чагатайский» — однако слова *чагатайский* в IV т. нет.

специальных справочных перечнях². В этом, видимо, сказалось настороженное отношение части тюркологов к термину, который производится традицией непосредственно «от имени властителя»³ и который в русском языке издавна характеризуется достаточно специфичной сферой употребления. Такое отношение к изучаемому термину в конечном счете обусловлено нежеланием принимать во внимание историю семантического развития слова как в тюркских языках, так и в русском. Между тем считать, что слово *чагатайский* непосредственно восходит к одному из «имен правителей минувших времен», столь же некорректно, как и возводить к подобному же «имени правителя» этнолингвистический термин *узбеки*⁴.

Для того чтобы вполне постичь семантическую эволюцию тюркизма в русском языке, часто бывает важно — и особенно это касается случаев, когда такое слово в языке-источнике обязано своим происхождением имени собственному, — выяснить, первичной ли, вторичной или даже третичной ступенью смыслового развития слова в языке-источнике обусловлено то или иное значение этого заимствования в русском языке. Для слова, генетически связанного с антропонимом, особую важность обычно приобретает, помимо его «лексического значения и структурного значения», именно «социально-культурное значение»⁵ — оно возникает в таком слове при особых исторических обстоятельствах как значение вторичное. Для изучения развития слова *чабатај* немаловажно то, что для данного случая зафиксированы исторические обстоятельства, на основе которых происходили сдвиги в смысловом развитии антропонима *Чабатај*.

В изучаемом случае назовем первичным значением слова

² Например, его нет ни в «Указателях терминов и этнических названий», ни в «Именных указателях», приложенных к «Избранным сочинениям» В. А. Гордлевского, хотя ученый в своих работах широко пользовался вариантом «джагатайский язык» (см.: Избранные сочинения, М., т. II — 1961, стр. 169, 171, 173; т. IV — 1968, стр. 375).

³ М. Терентьев, Грамматика турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков, кн. I, СПб., 1875, стр. 160; примечательно, что, направляя свой полемический пыл против термина «чагатайский/джагатайский», М. Терентьев пользуется без каких бы то ни было возражений и оговорок однотипным термином «османский». Точно так же в «Указателях терминов и этнических названий» представлены «османы (османцы)» (см., например: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. II, стр. 550).

⁴ Тем не менее оба термина именно в этом отношении были поставлены на одну доску Т. Салимовым (сб. «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1951, стр. 101).

⁵ Ср.: Ч. Фриз, Значение и лингвистический анализ, — «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 114.

отнесение монгольского по происхождению антропонима *Чагатај* ко второму сыну Чингиз-хана, которому в удел были выделены населенные по большей части тюркоязычными народами территории Мавераннахра (современные Узбекистан и отчасти Таджикистан), Семиречья (частично и Семипалатинская область) и Восточного Туркестана. Вся совокупность этих земель и в монгольской, и в тюркской традиции вместе с исторической реальностью, принявшей и освоившей этот монгольский антропоним, называлась «Чагатаевым улусом».

Проникновению этого слова в тюркские языки Средней Азии в немалой мере способствовало действие распространенного у тюркоязычных народов принципа наименования родового или племенного подразделения по имени его родоначальника (или предводителя)⁶. Так уже на тюркоязычной почве складывалось вторичное значение изучаемого слова: имя *чагатај* в качестве объединяющего, «родового», принимают не только потомки, но и ближайшее окружение, сподвижники и придворные Чагатай-хана; таким образом, первоначально этим наименованием подчеркивалась привилегированность их положения в обществе⁷. Присоединение к лич-

⁶ Этот принцип широко освещался в отечественной историографической и этнографической литературе, см., например: В. Н. Татищев, История Российской, т. I, М.—Л., 1962, стр. 131; В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 70 (Приложение к LXXII тому «Записок имп. АН», № 2); Ч. Валиханов, Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961, Приложение I, стр. 539; Г. Н. Потанин, Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки.—ЖС, 1917, вып. II—III (1916), стр. 166—167; В. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 53; С. М. Абрамзон, К семантике киргизских этнонимов.—«Советская этнография», 1946, 3, стр. 124—125, 131; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпак, М.—Л., 1950, стр. 44, 47, 55, 57; В. П. Юдин, О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулли и их этнических связях с казахским и другими соседними народами.—«Известия АН КазССР. Серия обществ. наук», 1965, 3, стр. 53; В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, стр. 73, 68, 69, 26, 27.

⁷ См. об этом: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб., 1897, стр. 43—44, прим. (отд. отт. из «Живой старины», 1896, вып. III и IV): первоначально чагатаи «представляли собою в сущности не особый народ или племя, а только служащий при дворе, в управлении и войске джагатаидов (тимуридов) класс или сословие, образовавшееся отчасти из потомства настоящих монголов „полка“ Джагатая, главным же образом из местных и пришлых тюрков, таджиков, сартов и т. д., попадавших на службу ханскую и обративших ее в потомственное занятие». См. также: А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка,—сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. I (со ссылкой на «Бабурнаме»). Об «особых льготах от царя» для этих чагатаев см.: Р. Г. де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями... под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 220.

ному имени слова *чагатај* как обычного родового названия засвидетельствовано более поздней традицией; см. на рубеже XV—XVI вв.: Ибраһим Чагатај⁸, «Хасан Али, который известен среди туркмен под именем Чагатая» — BN 382a. Такой способ именованья отразился в топонимии — в сохранявшемся еще в 20-е годы нашего столетия патронимическом названии населенного пункта *Авез-мат-чагатај* (Шаватский район округа Хорезм)⁹. Употребление слова *чагатај* как родового названия в составе личного имени близко подводило к использованию этого слова в этнонимической функции.

Владения Чагатая в рамках единой «чагатайской» государственности удержались недолго, «постепенный распад чагатайского улуса на две части: Мавераннахр и Могулистан (Семиречье и Кашгар) — окончательно оформился только в XIV в.»¹⁰. Название *Чагатај улусі* закрепилось за Мавераннахром. Здесь и в послемонгольский период на тюркской почве продолжала действовать традиция, которая связывала название правящей здесь династии с именем Чагатая. Сила действия традиции, стремление утвердить законность и неоспоримость своих прав на султанскую власть долго еще будут побуждать тимуридских властителей Мавераннахра, а вслед за ними и позднейших феодалов к возведению своей родословной к Чагатай-хану и через него — к самому Чингиз-хану¹¹. Типичный образчик этого — родословная Захир ад-дина Мухаммеда Бабура (рубеж XV—XVI вв.). Говоря о своей матери Кутлук Нигар ханум, Бабур подчеркивал, что она «была вторая дочь Юнус-хана ...Юнус-хан — потомок [букв.: из поколения] второго сына Чингиз-хана, Чагатай-хана...»¹². По

⁸ «The *Bābar-nāma*», ed. by A. Beveridge, Leyden — London, 1905 (далее — BN), л. 1756. Отзвук такого способа именованья зафиксирован в некоторых современных тюркских «фамилиях» — турецк. *Saadet Çağatay*, татарск. *Чагатај*.

⁹ «Материалы по районированию Узбекистана», вып. II, кн. I, Самарканд, 1926, стр. 12.

¹⁰ «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 431.

¹¹ Относительно распространившегося в Средней Азии «мнения о преимущественных правах чингизидов на верховную власть» и фактах «приглашения в ханы какого-нибудь чингизидского царевича в соседние государства» см.: П. А. Фалев, Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 8. В Мавераннахре до 1370 г. и позже (при Тимуре, например) еще некоторые потомки Чагатая возводились тюркскими эмирами на трон в качестве «подставных властителей» (W. Barthold, *Caghatai-Khān*, — «Enzyklopaedie des Islām», Bd I, Leiden — Leipzig, 1913, стр. 849). Ср. также акцентуацию титула «Крымского хана Чингизова рода» в грамоте султана Абдул Хаида I (1779 г.) к Шахин Гирей хану (С. Шапшал, О двух грамотах турецкого султана Абдул Хаида I, — «Известия Таврич, ученой архивной комиссии», Симферополь, 1913, 26, № 49, стр. 147).

¹² «Бабер-намэ или Записки султана Бабера», изд. в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857 (далее — БН), стр. 1121—23.

отцу родословная Бабура возводится к Тимуру (Омар Шейх «был четвертым сыном султана Абу Са'ид мирзы... Султан Абу Са'ид мирза был сыном Султан Мухаммед мирзы, Султан Мухаммед мирза был сыном Миран шах мирзы, Миран шах мирза был третьим сыном эмира Тимура...» — БН 8₃-7), а вследствие позднейшей официальной генеалогии — Тимура тоже к Чингиз-хану: «Как представитель монгольских традиций, Тимур придавал большое значение родству с домом Чингиз-хана»¹³. Тимуриды, таким образом, рассматривали себя как прямых преемников и непосредственных потомков Чагатаидов; не удивительно поэтому, что и после 1370 г., когда был убит последний собственно Чагатаид, и позднее, когда к власти пришел Тимур Лэнг, страна продолжала именоваться Чагатайским улусом¹⁴.

Использование слова *чабатај* в качестве регионально-государственного обозначения, давшего жизнь и топонимическому употреблению этого слова (об этом см. ниже), в XIV в. и позже тесно связано с тем суммарным вторичным значени-

¹³ В. В. Бартольд, Улугбек и его время, — ЗРАН, sér. VIII, 1918, т. XIII, № 5, стр. 22. Во времена Тимура, однако, эта его генеалогия не была столь бесспорной; во всяком случае, Тимуру пришлось назначить подставным ханом Чингизидов — сначала Суургатмыша, потом его сына Султан-Махмуда (там же, стр. 48) для того, чтобы не идти против установленной традиции (а вовсе не потому только, что он «чувствовал притет к величию империи Чингиза» — «История Узбекской ССР», т. I, стр. 441). Наверное, поэтому так детально излагал Бабура свою родословную по линии матери — и в начале XVI в. и в последующие почти 200 лет и основатель династии Великих Моголов в Индии Бабура и его потомки придавали значение тому, чтобы называться монголами как потомки Тимура, т. е. в конечном счете — как потомки Чагатай-хана и Чингиз-хана. Вполне согласуется с этим и тот факт, что вне родового деления, которому был подчинен весь казахский народ, стоит „аксююк“ (белая кость), потомки Чингиз-хана. В свете подобных фактов по-иному можно истолковать упоминание Рабгузи («История пророков», XIV в.) о том, что князем у них был «Насиру-д-дин Ток-буга», «по происхождению монгол, а по религии — мусульманин» (С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 324/332 — противительный союз «а» введен в русский перевод С. Е. Маловым, в оригинале отсутствует).

С другой стороны, нельзя не отметить стремление представить Чингиз-хана тюрком («казаком», т. е. казахом) — оно нашло отражение в записанной Г. Н. Потаниным казахской легенде о Чингиз-хане, самое имя которого этимологизируется там на тюркской основе: «Чин-кыз-хан („шын-кыз-кан“), т. е. рожденный от истинной (непорочной) девицы» (Г. Н. Потанин, Казак-киргизские и алтайские предания..., стр. 47, 48). Характерно, что один из узбекских родов на территории «Самаркандского уезда» носил имя «чингиз-хан» (И. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 150, прим. 5).

¹⁴ В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11. См. также прим. 71 к кн.: «Хождение за три моря Афанасия Никитина», М.—Л., 1958, стр. 211.

ем, которое оно приобрело в ареале своего распространения благодаря специфическим условиям истории Мавераннахра и шире — Средней Азии. Мы имеем в виду употребление слова *чагатай* для обозначения особого историко-культурного комплекса. Именно с названием этого комплекса связано появившееся в XV в. понятие «чагатайские тюрки», как стали именовать тюрков Мавераннахра («по имени Чагатайского улуса») ¹⁵, а не одно только «кочевое население Мавераннахра, которое как военная каста пользовалось некоторыми привилегиями» ¹⁶.

Этот историко-культурный комплекс, помимо упоминавшихся историко-социальных факторов, формировали еще и такие признаки, как установившееся к середине XIV в. среднеазиатское ядро территорий Чагатаева улуса, все усиливающаяся общность быта, в котором с течением времени неуклонно нарастали явственные черты оседлости ¹⁷ (хотя при этом «чагатайские тюрки» продолжали бережно сохранять чисто внешние, церемониальные приметы прежних кочевых традиций ¹⁸), известная культурная общность — здесь нелишне

¹⁵ См. у Р. Г. де Клавихо (Дневник путешествия..., стр. 242): «...и многие жители Самаркандской земли, хоть они вовсе не Чакагаи (Chacatays), приняли теперь это имя, потому что Чакагаи стали теперь очень знамениты». См. также: А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, стр. 2; «История Узбекской ССР», т. I, стр. 501.

¹⁶ W. Barthold, *Čaghatāi-Khān*, стр. 849. По свидетельству Р. Г. де Клавихо (Дневник путешествия..., стр. 220), и эти привилегированные чагатаи занимались не одним только скотоводством, но и земледелием.

¹⁷ Во всяком случае, часть «тех кочевых групп монголов, которые ушли на территорию западных частей Средней Азии», уже «в XIV в. начинала переходить на оседлое состояние», а ее верхушку, владевшую крупной земельной собственностью в земледельческих районах, «можно было уже считать не только кочевыми, но и оседлыми феодалами» — А. Якубовский, Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской СССР», ч. I, Л., 1932, стр. 52. См. также: «История Узбекской ССР», т. I, стр. 431; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 93, 90; «Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана», пер. Г. С. Саблукова, Казань, 1906, стр. 131, 132, 138—141.

¹⁸ См. В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11. Консервация кочевых традиций среди оседлого населения способствовала укоренению черт преемственности с Чагатаидами, которая постулировалась Тимуридами. Здесь помимо монгольской придворной и войсковой номенклатуры и титулатуры можно напомнить о том, что нерушимо блюлись многие монгольские церемониальные обычаи [см., например: А. Самойлович, Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI в., — ЖС, вып. XX (1911), вып. III—IV, 1912] и в числе их — укоренившийся среди тюркоязычных народов того ареала обычай дарить предметы девятками (см. БН 99_{19—20}), обычай кланяться девять раз во

напомнить о «чагатайском языке»¹⁹ и «чагатайской литературе» придворных поэтов из окружения тимуридских султанов. Вторичность такого наименования становится особенно наглядной, если напомнить, что сам Чагатай-хан был известен как ненавистник оседлого быта, связанной с ним культуры, городской жизни²⁰.

С вторичной ступенью семантического развития слова *чагатај* (обозначение особого историко-культурного комплекса) в тюркских языках связана его следующая смысловая градация — употребление слова в значении, близком к этнонимическому (хотя такое употребление в известной мере вступало в противоречие с вторичной функцией этого слова, подразумевавшей, по мысли Н. А. Аристова, надплеменную и даже, можно сказать, «интернациональную» общность²¹), с одной стороны, и проникновение его в топонимию — с другой. По Н. А. Аристову, топонимическое использование слова *чагатај* обусловлено его «этнонимической» функцией²². Только отпавляясь от «чагатайского» историко-культурного комплекса, на протяжении многих веков сопрягавшегося в сознании местного населения Мавераннахра со всем укладом его жизни, можно объяснить достаточно глубокое внедрение слова *чагатај* в этнонимию и топонимию, равно как и истолковать

время церемонии представления (прошания) вассала или посланника хану (БН 126₁₅₋₁₇ и сл.). О соответствующих монгольских обычаях, «введенных Чингиз-ханом», см.: Ph. I. Strahlenberg, *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Stockholm, 1730, стр. 77; правильнее, видимо, относить эти обычаи к более раннему времени хотя бы на основе показаний енисейских надписей (ср.: *токуз тезгини* «пройдя девять раз вокруг» — И. А. Батманов, *Язык енисейских памятников древнетюркской письменности*, Фрунзе, 1959, стр. 74). Страленберг, засвидетельствовавший эту церемонию при дворе современных ему «правителей китайских татар», отметил, что ее называли там «чагатайская аудиенция» («die Zagataische Audienz» — *Das Nord- und Ostliche Theil...* стр. 77).

¹⁹ Приложение слова *чагатај* к языку тюркского населения Мавераннахра А. К. Боровков датирует XIV веком (А. К. Боровков, «Бад'и' ал-дугат», М., 1961, стр. 5). О *чагатај тјркисі* (у Г. С. Сабдукова — «наречии тюркско-джагатайском») как явлении письменно-литературном, продолжавшем (по словам А. А. Шахматова) свою отдельную от народного языка жизнь, см. упоминание, относящееся к XVII в. у Абу-л-Гази («Родословное древо тюрков», стр. 33).

²⁰ См. об этом: И. П. Петрушевский, *Из истории Бухары в XIII в.*, — «Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук», 1949, вып. 1, стр. 111.

²¹ Остро ощущая противоречивость таких использований слова *чагатај*, Н. А. Аристов искал чисто терминологический выход, пытаясь стимулировать лексико-семантическое обособление вариантов заимствования *чагатай-/джагатай-* в русском книжном языке (см. об этом ниже).

²² Во всяком случае, наименование одного «из хивинских городов» «Джагатай» он трактует как производное от «имени узбекских родов» (Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен...*, стр. 151, прим. 1).

то казавшееся В. В. Бартольд у замечательным обстоятельством, что «термин „джагатай“, для обозначения кочевого и сохранившего кочевые традиции (разрядка наша.— Г. Б.) населения, удержался в Мавераннахре, когда там давно уже не было ханов из потомков Джагатая, и потом был перенесен изгнанной из Мавераннахра династией Тимуридов в Индию, тогда как в восточной части бывшего джагатайского государства, несмотря на существование ханской династии, производившей себя от Джагатая, термина „джагатай“ не было...»²³. Кстати, это обстоятельство прямым образом свидетельствует о том, что изучаемое смысловое развитие слова *чагатай* произошло именно на тюркской почве. Даже и впоследствии, когда разгром войсками Шейбани-хана последних осколков тимуридского государства подорвал всякую социальную основу наименования *чагатай* и с этого времени страна перестала именоваться «Чагатаевым улусом», оседлое население — и турки, и таджики, оказывавшие «сильное сопротивление» «узбекам-завоевателям», продолжали «называть себя, в противоположность узбекам, „чагатайским народом“...»²⁴ — именно так в начале XVI в. употреблял сочетание *чагатай ил* Мухаммед Салих²⁵. Долго остававшееся актуальным противопоставление оседлого населения кочевникам, по-видимому, стало тем фактором, благодаря которому наименование *чагатай* еще продолжает свою жизнь у ряда среднеазиатских народов и некоторых их южных соседей, обнаруживая разные степени проникновения в их этнонимиию.

В Хивинском ханстве, например, «чагатаи в первой половине XVII в. были еще самостоятельной этнической едини-

²³ В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11. См. также его сообщение о том, что хотя «в современном китайском Туркестане... еще в конце XVII в. имелся княжеский дом, который, как утверждали, восходит к Чагатаю, однако подданные этих князей называли себя не чагатаями, а обозначались только как монголы — *Moghul*» (W. Barthold, *Saghatāi-Khān*, стр. 849).

²⁴ Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, [ч. I], Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 63. Перечень чагатайских племен и родов со ссылками на сочинения Навои и на словарь «*Al-luḡat-an-Navaija*» см.: А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка,— сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 103. Как известно, «признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевников важнее, чем признак национальности и языка...» (В. В. Бартольд, Таджики, — сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 103).

²⁵ Мухаммед Салих, Шейбани-намэ. Посмертное издание П. М. Мелиоранского, СПб., 1908, стр. 211. Ср. упоминание о *чагатай ил* «чагатайском иле (т. е. народе или племенном союзе)» «в Хорасане и Ираке» у Абу-л-Гази (А. Н. Кононов, Родословная туркмен, М.—Л., 1958, стр. 46 и сл.).

цей»²⁶. Среди «тридцати двух главных таифе» узбеков А. Вамбери называл «Джагатай»²⁷. Характерно, что до 30-х годов XX в. чагатаи, даже и живущие в одном кишлаке (к. Дашнобод Сурхандарьинской обл.) с узбеками другого рода (барлас — примечательно, что этот последний тоже «монгольско-го» происхождения), строго блюли свою особенность, заключая браки «только внутри своих групп», а сам кишлак Дашнобод «разделялся на чагатайскую и барласскую части»; причем чагатаи до настоящего времени «значительно отличаются от своих односельчан антропологически и более высокой культурой быта, хозяйства»²⁸. Вообще чагатаями и поныне называют себя узбеки и таджики южных и западных районов Узбекистана²⁹, причем в понимании местного населения это самоназвание продолжает «обозначать не столько этническую единицу, сколько историко-культурный комплекс, независимо от языка его носителей»³⁰.

Есть таджики-чагатаи и в Северном Афганистане³¹. Одно из племен тюркского происхождения, проживающих в юго-западных районах Ирана, носит наименование *Jaghata'i* (<*Chaghatai*)³². В Индии, по сообщениям Н. А. Аристова и Н. Г. Маллицкого, до сих пор несколько десятков тысяч человек в окрестностях Агры и Дели причисляют себя «к племени чагатай»; видимо, это потомки «бабуридских чагатаев»³³, т. е. выходцев из Мавераннахра (начало XVI в.), принявших участие в завоевании Индии и в создании там империи Великих Моголов. Одно из родовых подразделений туркмен — «ча-

²⁶ «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, стр. 49.

²⁷ А. Вамбери, Путешествие в Среднюю Азию, СПб., 1865, прим. к стр. 171.

²⁸ М. Х. Султанов, Этнографические наблюдения в Сурхандарьинской области, — «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 72, 73.

²⁹ И. Магидович, Население Бухары, — «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 221—222, 231—232; Н. А. Кисляков, Кулябские таджики, — «Сообщения Таджикского ФАН СССР», Сталинабад, 1949, вып. XI, стр. 35; Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1957, т. XXVII, стр. 14, 17, 18. О чагатаях («чибатои») в районах верхнего течения Кашкадарья см.: Б. Жўраев, Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари, Тошкент, 1969, стр. 165.

³⁰ Б. Х. Кармышева, Некоторые данные..., стр. 14; см. также Н. А. Кисляков, Кулябские таджики, стр. 35, 34.

³¹ См.: G. Jarring, On the distribution of Turk-tribes in Afghanistan, — «Lunds universitets årsskrift», N. F., 1939, Bd 35, Avd. I, № 4, стр. 67—68.

³² P. Oberling, The Turkic tribes of Southwestern Persia, — UAJB, 1964, Bd 35, fasc. B, стр. 176 и сл.

³³ Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 43, прим.

гатай-куллар» — «происходило от поселившегося среди туркмен в эпоху Тимуридов (XV в.) беглеца из чагатайского племени арлат»³⁴; добавим, что до настоящего времени в разных племенах были роды *чагатай*. «По спискам алатавского окружного управления 1865 г.», казахский род ботгай имел в своем составе отдел *чагатай*, насчитывавший 1722 кибитки³⁵. Сеок (род) «Чебодаевы» (<*Чобадай*) имеется у хакасов³⁶.

Собранные сведения о семантическом развитии слова *чабатай*, которое происходило на собственно тюркской почве, как и имеющиеся в литературе данные об этнографических подразделениях, носящих это наименование, не позволяют рассматривать «джагатай (чагатай)» как «монгольское родоплеменное название», которым якобы обозначались «потомки монголов времен Чингис-хана XIII в.»³⁷. Точно так же нельзя объяснять «третичное», этнонимическое использование «собирательного названия» *чабатай* исходя из воззрений на «род» чагатай как на «обломок» «монгольской старины»³⁸. В решении этого вопроса нельзя основываться на авторитетах; во всяком случае, когда В. В. Бартольд говорил о том, что «в начале XIV в. ... слово „джагатай“ сделалось официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского (разрядка наша.— Г. Б.) государства»³⁹. Реа-

³⁴ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа,— Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 594. См. рассказ о происхождении чагатай-куллар у Абу-л-Гази (А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 76—77).

³⁵ Н. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казачков Большой Орды и каракиргизов,— ЖС, 1894, вып. III—IV, стр. 395, прим. 3. «Одну из главных причин вступления бывших джагатаидских родов в состав киргиз-казачьего союза» Н. Аристов видел в «желании найти защиту и опору против сильных родов» (там же, стр. 401)

³⁶ См.: М. И. Боргояков, Хакаские этнонимы тюркского и нетюркского происхождения,— в кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1969, стр. 11.

³⁷ Ц. Д. Номинханов, Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР,— «Записки Калмыцк. НИИЯЛИ», Элиста, 1962, вып. 2, стр. 273, 268. Отметим, что в подтверждение этого взгляда Ц. Д. Номинханов не привел новых исторических данных и не назвал ни одного действительно монгольского родового или племенного подразделения, которое бы носило имя *чабатай*, ни одного одноименного топонима, который бы относился к территориям с монголоязычным населением.

³⁸ И. Магидович, Население Бухары, стр. 181.

³⁹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 88. Здесь необходимо учитывать также «большое значение политической тенденции своего рода монголофильства» в монгольскую (а отчасти — и в послемонгольскую) эпоху (см.: А. К. Боровков, Очерки истории узбекского языка, III,— «Уч. зап. ИВАН СССР», М.—Л., 1958, т. XVI, стр. 218). В. В. Бартольд в то же время отмечал, что «название монгол или „могол“... дольше всего держалось в Средней Азии» — даже «и тогда, когда в этой стране уже не было следов монгольского языка» (В. В. Бартольд, История тюрко-монгольских народов,

листический взгляд на этнолингвистическую ассимиляцию монгольского меньшинства некогда завоеванными народами приписывался Чингизиду Газан-хану: «Со времени прибытия сюда из Монголии моего деда, Гулагу-хана, прошло два или три рода [букв.: поколения. — Г. Б.], монголы, которые после нас родятся, забудут язык, слова, земли, поколения свои и не будут знать»⁴⁰.

Закрепление слова *чабатај* в среднеазиатской топонимии происходило также на основе приобретенной им функции регионально-государственного обозначения, а иногда — на основе «этнонимической» функции. Названия населенных пунктов *Чагатай* отмечены в Узбекистане в Ташкентской области в Янгиюльском районе, в Самаркандской области в районе Митан, в Южном Хорезме (Кыят-Шаватский район), в округе Бухары в районе Каракуль два населенных пункта под таким названием, как и в округе Урта-Зеравшан (в районах Хатырчи и Кара-дарья)⁴¹. В районе Митан Самаркандской области зафиксированы также населенные пункты *Дам-Чагатай*, *Юкары-Чагатай*, *Чагатай-бони*⁴². В микротопонимии старого Ташкента имелись названия кварталов *Чагатай-тепа*, *Чагатай-чакар*, *Чагатай-Янги-шаар*, городских ворот — *Чагатай-дарваза*, местностей — *Чагатай Биль-тепа*, *Чагатай Кара-камыш*, *Чагатай Сор-кичар*⁴³.

Чем дальше от исторического эпицентра традиции, в соответствии с которой слово *чабатај* распространялось как регионально-государственное и историко-культурное обозначение, тем реже и разрозненнее встречается топонимическое ис-

Ташкент, 1928, стр. 17), и специально акцентировал внимание на том, что «монгольские завоевания имели больше влияния на судьбы турок, чем на судьбы монголов. Языком государств, образованных монголами к западу от Монголии, постепенно сделался турецкий... везде в монгольскую эпоху замечается усиление турецкого элемента» и что «название „Чагатай“ осталось за западной частью, где преобладал турецкий элемент» (там же).

⁴⁰ «Родословное древо тюрков», стр. 32. Об отюреченных калмыках-мусульманах, которые тем не менее «сохранили калмыцкие родовые имена», см.: А. Самойлович, [рец. на:] Н. А. Караулов, Краткий очерк праматики горского языка «болкар», — ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. IV, стр. 0161. Ср.: «Чагатай (Джагатай) тюрко-монгольские племена» («История народов Узбекистана», т. 2, стр. 485).

⁴¹ Х. Бабаниязов, Фонетико-морфологические особенности кипчакских говоров Южного Хорезма. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 5; «Материалы по районированию Узбекистана», Самарканд, 1926, вып. II, кн. V, стр. 7, 8; кн. IV, стр. 4; кн. II, стр. 43, 47; кн. III, стр. 11.

⁴² Там же, вып. II, кн. IV, стр. 4.

⁴³ См.: Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза, — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 118, 110 и 116, прим. 2 (ср. стр. 552), 119. Эти сведения оказались за пределами внимания Ц. Д. Номинханова — в узбекской топонимии он насчитывал только восемь кишлаков под названием «Чигатай» (Монгольские элементы в этнонимике..., стр. 273).

пользование его. Так, топонимы *Джагату*, *Джагатай* (невзирая на давнюю неразложимость личного имени *Чагатай*, они рассматриваются в составе «группы названий на -тай») наблюдаются в северо-западной части Ирана⁴⁴. На северо-западе от исторического «Чагатаева улуса» зафиксировано селение «*Чагадай* в Бугульминском уезде Самарской губернии»⁴⁵. В Тандинском районе Тувы находится озеро *Чагытай*⁴⁶. Изолированно изучая эти разрозненные топонимы, встречающиеся на весьма отдаленных территориях, вне исторического контекста и без учета подобных же топонимов в Средней Азии, исследователи возводят собранные ими названия к монгольской старине, к «личному имени» Чагатай-хана⁴⁷, хотя здесь, безусловно, представлена вторичная или даже третичная градация смыслового развития этого антропонима. Мишарский топоним *Чагадай* скорее всего опирается на этнонимическое употребление бывшего антропонима, давно уже отошедшего от своего первоначального узкого значения.

Многозначность бывшего антропонима *чабатай*, таким образом, исторически складывалась не сразу, но постепенно. Отрываясь от первоначального использования в сфере единичного наименования, слово *чабатай* сделалось знаком для определенного отрезка истории Средней Азии⁴⁸. Отталкиваясь от условности такого обозначения, слово *чабатай* приобретало все большую и более живую многозначность⁴⁹: оно проникало более или менее глубоко в этнонимиию и топонимиию, а хронологическая отдаленность краха «Чагатаева улуса» и его преемника — тимуридского государства — стирала идеологическую окраску слова *чабатай*, благодаря чему всякая обусловленность его полисемантической постепенно забывалась.

⁴⁴ В. И. Савинна, О типах словообразования топонимов Ирана, — «Топонимика Востока», М., 1964, стр. 151.

⁴⁵ Г. Ахмаров, Мещера и мещеряки, — «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те», 1903, XX, вып. 2, стр. 134.

⁴⁶ См.: Тувинско-русский словарь, М., 1968, стр. 644.

⁴⁷ См.: В. И. Савинна, О типах словообразования топонимов Ирана, стр. 151; Г. Ахмаров (Мещера и мещеряки, стр. 134) усматривает в топониме *Чагадай* даже «историческое (времен Золотой Орды [?—Г. Б.] личное имя».

⁴⁸ О противопоставлении «монгольской эпохи» в истории Мавераннахра «чагатайской эпохе» см.: А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тюркского XII—XIII вв., М., 1963, стр. 13.

⁴⁹ Подобные процессы замечены для русских имен в более ограниченной сфере «связанных словосочетаний», см.: Т. Н. Кондратьева, Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX — начала XX в., — сб. «Памяти В. А. Богородицкого», [Казань], 1961.

II. В условиях достаточно тесных, веками длящихся многообразных контактов между русским и тюркскими народами слово *чабатај* проникало в русский язык неоднократно и прежде всего — изустным путем. А это, с одной стороны, не могло не сказаться на характере фонетического освоения слова русскими, с другой же стороны — определило неоднозначность заимствования на разных этапах его жизни в русском языке, в чем отразилась полисемантическая словаригинала.

На первых порах существование этого заимствования в русском языке представлено целым рядом фонетических вариантов, с большей или меньшей степенью приближения отражавших звуковой облик слова-оригинала; даже в записи одного и того же лица (XV в.) слово это варьируется: «ис *Чеготаньския земли*»/«ис *Чеботайские земли*», «...на *Чеготай* пути нет»⁵⁰. В «басне» о происхождении Темир-Аксака, «внесенной в некоторые из сих [русских.— Г. Б.] летописей», среди перечня его владений записано: «...а се имена тем землям: *Чагадай*, Хорусани...»⁵¹. В архивных документах Троицко-Сергиевской лавры середины XV в. отмечено прозвище *Чегодай/Чеадай*⁵². Таким образом, фонетические изменения, которыми сопровождалось изустное освоение этого заимствования в русском языке, охватывали и консонантизм, и вокализм слова, не затрагивая лишь начальный согласный: во всех ранних русских передачах в начале слова звучит *ч*-. Изустный характер русско-тюркских контактов в XV в. (и ранее) подтверждает, что русская передача этого заимствования с начальным *ч*- достаточно точно отражала произношение тюркских языков; к тому же она поддерживалась византийской передачей — *Τζακατάϊδες*, *Τζαγατάη*⁵³.

Варианты с несвойственной русскому языку звонкой переднеязычной аффрикатой *дж*- появились здесь много позднее: они проникали в русский язык, несомненно, книжным

⁵⁰ «Хождение за три моря Афанасия Никитина», 2-е изд., М.—Л., 1958, стр. 14, 36, 25 и сл. Примечательно, что *Чеготаньская земля* (со всеми вариантами) отмечена в «Географическом указателе», приложенном к этому изданию. Вариант *Чеботайские* поддерживался языковым источником заимствования — ср. хакасск. *Чобадай*, *Чободаевы*.

⁵¹ См.: Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. V, СПб., 1819, стр. 94—95, прим. 150. Изустные вариации этого слова — Чагатай, Чагодай и даже Чигатай — отражены в «Полной истории Чингис-хана, составленной из татарских летописей и других достоверных источников» Н. Горлова (СПб., 1840, стр. 87, 93, 112).

⁵² См.: С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, — «Исторические записки», [М.], 1945, 17, стр. 30.

⁵³ См.: Gy. Németh, A honfoglaló Magyarok kihalulása, Budapest, 1930, стр. 341.

путем с Востока, а отчасти и с Запада⁵⁴. Форма *джагатай*-, обязанная своим происхождением не только условностям арабской графики, зачастую не различавшей посредством соответствующей диакритики букв «джим» и «чим», но и самой арабской (а отчасти и персидской) традиции⁵⁵, в русском языке с самого начала отмечена печатью книжности и как бы противопоставлена изустным формам с начальной глухой переднеязычной аффрикатой ч-.

Наиболее раннее значение, с которым изучаемое заимствование проникло в русский язык,—это регионально-государственное обозначение, близко смыкавшееся с топонимической функцией. Помимо уже приводившихся примеров из «Хождения...» Афанасия Никитина и русской летописи, для иллюстрации распространенности этого значения можно привлечь западноевропейские карты XVI—XVII вв., хранящиеся в Историческом музее. Так, на карте «Tartaria», составленной в 1595—1596 гг. Иодокусом Хондуисом (Iodocus Honduis), в составе «Великой Тартарии» особо отмечена «la Tartarie Zagataye», «Sagatai Tart.»; на карте «Tartaria sive magni Chami imperium» (per Ioannem Blaeu, A°. 1668 г.) также имеется «Zagatay tart.», а на «Lant Kaarte van 't Oost Tartarie» Н. Витсена (1705) Zagathay выступает как самостоятельное название, без определяемого «Tartarie». Ср. в русском: «*Чеготаи* другие именуют *Чегоды*, у европейцев *Загатаи*, область или королевство..., в котором главный город Самарканда»⁵⁶.

⁵⁴ Под влиянием западноевропейской книжности в русском книжном языке возникали недолговечные варианты вроде *Дзагатай*, *Загатай*, *Хыаадай*, *Таадай* («Собрание путешествий к татарам», СПб., 1825, стр. 271, 290), *сегодайский* (В. Татищев, Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно (1749),— в кн.: П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, СПб., 1867, стр. 165], фонетические искажения в которых очевидны. Здесь же отметим, что Р. Г. де Клавихо, лично побывавший в тимуридской столице, предложил довольно точную фонетическую передачу этого слова — *Chacatay/Checatay* (Дневник путешествия..., стр. 202, 217 и сл./4, 131 и сл.), где во всяком случае начальная глухая аффриката слова-оригинала осталась без изменения.

⁵⁵ Арабская передача *джабатай* вместо *чабатай* никогда не стояла особняком; ср. у арабского автора конца первой половины IX в. Ибн Хордадбеха *баджнак* вместо *печенег*, *джегир/джикир* вместо *чегыр* (см.: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 38 и прим. 1 к стр. 38). Ср. также: Gy. Németh, A honfoglaló Magyarok kialakulása, стр. 341. Нельзя не отметить, впрочем, что соответствие ч~дж свойственно некоторым диалектам и говорам тюркских языков Средней Азии. См., например: Т. Кудратов, Переходные говоры узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1968, стр. 16, 17; Г. Менглиева, Сакарский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1964, стр. 12.

⁵⁶ В. Татищев, Напомнение на присланное описание народов..., стр. 166.

Такое употребление названия *Джагатай* задержалось в русском языке вплоть до первой четверти XIX в., см., например: «Эта полоса земли, обитаемая татарами, называется *Азиятскою Татариею* или *Джагатаем*, и разделяется на 1) северный Джагатай..., 2) южный Джагатай... и 3) восточный Джагатай или Малую Бухарию...»⁵⁷. Топонимическое использование слова *Джагатай/Чагатай* было, однако, уже не характерно для живого русского словоупотребления — во всяком случае, сохранившиеся от делопроизводства Посольского приказа документы XVI—XVII вв., наиболее близко следовавшие за словоупотреблением среднеазиатских народов, не дают примеров такого использования⁵⁸.

На карте Иодокуса Хондунса зафиксировано также и название людей по их принадлежности к указанному регионально-государственному комплексу — «*Les Tartares Zagatayes*». Эта же сторона смыслового развития слова-оригинала отражена и в русском «прозвище Чегодай или Чеадай», которое носил в середине XV в. Василий сын Василия Матвеева⁵⁹. На законных основаниях проникнув в русскую антропонирию⁶⁰, слово это прочно закрепилось там: в «Грамоте царя Федора Ивановича от 10 июня 1589 г.» упоминались об «Ыване Чеадаеве»⁶¹, одним из представителей «известной фамилии..., из которой вышел писатель-философ Петр Яковлевич Чаада-

⁵⁷ Примечания Д. Языкова к «Историческому сочинению И. д. Плано-Карпини» в кн.: «Собрание путешествий к татарам», стр. 279, прим. 62.

⁵⁸ См., например: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1932, целиком построенные на документах Посольского приказа. Нет этого «топонима» и в «Указателе географических названий», приложенном к этой книге. Ср., однако: А. В. Панков, К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв., — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1924, стр. 25.

⁵⁹ См.: С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, стр. 30. Любопытно, что в конце XV в. тюркский этноним *кыпчак*, который также «...во владениях потомков Джучи... продолжал употребляться в качестве географического и политического термина» (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 88), подобным же образом использовался в качестве прозвища русского человека — «Ивашко *Кипчак*, крестьянин Новгород. обл. (1495 г.)» (А. М. Селищев, Избранные труды, М., 1968, стр. 114; Селищев рассматривает это прозвище среди «татарских имен», а не среди «имен народа»).

⁶⁰ *Чагатай* представлено также в «фамилиях мишарей» — вряд ли только в них «слышатся имена монгольско-татарских ханов» (Г. Ахмаров, Мещера и мещеряки, стр. 142, прим. 3): естественнее связывать их с вторичным, неантропнимическим значением *чагатај*. То же самое следует сказать и о русской фамилии *Чаадаев*, которую В. Ф. Минорский считал образованной «непосредственно от имени Чагатай» (В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 36, прим. 43).

⁶¹ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 105.

ев»⁶²; кстати, еще в 20-е годы прошлого столетия фамилия *Чаадаев* имела разночтения *Чадаев/Чедаев*⁶³. Ср. также современную фамилию *Чаадаевская*. В начале XX в. в Пензенской губернии встречалась фамилия *Чагадаев*. Литературно фиксируемый вариант этих разночтений — фамилия *Чагатаев* (А. Платонов, Джан, 2). Современные русские фамилии — *Чегодаев*, *Чигодайкин*.

В отечественной историографии и тюркологии изучаемое заимствование законсервировалось в том вторичном значении, которое стало архаическим для новых тюркских языков, а именно для обозначения определенного периода (XIII в. — начало XVI в.) в истории Мавераннахра и соответствующего периода в развитии среднеазиатского письменного языка тюрки. Явная принадлежность слова *чагатай-/джагатай-* языку научной литературы (если не считать производных от него антропонимов, рано обособившихся в русском языке благодаря своей специфической индивидуальности), небольшой удельный вес для современной русской действительности того исторического понятия, которое обозначается этим словом, обусловили ограниченность словообразовательных возможностей для этого слова в русском языке. Гнездо производных этого слова всегда было малочисленным: помимо антропонима *Чагатай/Джагатай* оно состоит из прилагательных *чагатайский/джагатайский*, реже *чагатаидский/джагатаидский*⁶⁴, мало употребляемых чисто книжных существительных *чагатаец/джагатаец* (П. М. Мелиоранский; А. Н. Самойлович; БСЭ¹), *чагатаизм* (Ф. Е. Корш; БСЭ¹), *чагатаистика* (А. К. Боровков) и, наконец, устарелых окказиональных образований 20—30-х годов XX в. *чагатаисты*, *чагатаистский*.

Терминологизация подразумевала фонетическую унификацию этого вариантного заимствования. Между тем вариант *джагатай-*, утвердившийся в русском книжном языке XIX в., в трудах востоковедов перемежался с вариантом *чагатай-* — чаще всего в тех случаях, когда необходимо было отразить

⁶² С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, стр. 30.

⁶³ См.: П. Я. Черных, Заметка о фамилиях в «Горе от ума», — «Доклады и сообщения филологич. фак-та МГУ», 1948, вып. 6, стр. 47.

⁶⁴ Малоупотребительность производного *чагатаидский* объясняется привычностью эквивалентного использования слов *чабатай* в тюркских языках и *чагатайский* в русском в их вторичной функции; например, «чагатайские царевичи», «чагатайские монголы» рядом с «хулагуидскими монголами» — И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., стр. 104, 105, 106, 107, 108, 113 и сл. См. «чагатайские племена Мавераннахра» — В. П. Юдин, О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могули..., стр. 56; «чагатанды», но «чагатайский престол» — «История Узбекской ССР», т. I, стр. 430, 431. Ср. также довольно обычное употребление *сельджуки* вместо *сельджукиды*.

реальное тюркское произношение⁶⁵. Дополнительное воздействие устной русской традиции приводило к тому, что варианты *чагатай-/джатагай-* стали безразлично употребляться в сочинениях одного и того же ученого буквально рядом⁶⁶. Ученые стремились различными путями разрешить проблему явно избыточной вариантности термина. В. В. Бартольд, например, хотя и признавал «правописание „чагатай“» «соответствующим произношению», тем не менее призывал русских тюркологов пользоваться вариантом «Джагатай» (и его производными), который, как он указывал, «в русской литературе прочно утвердился»⁶⁷. Одним из первых в пользу чтения *чагатайский* решительно и бесповоротно высказался Ф. Е. Корш, проявлявший большой интерес к этническим и культурным терминам, которые имели существенное значение для тюркологии⁶⁸. Между тем в русской тюркологии конца XIX в. можно выявить попытки искусственным путем произвести лексико-семантическое обособление вариантов *чагатай-/джагатай-*. Явным образом нигде не сформулированные, попытки эти в наиболее последовательном виде можно проследить в работах Н. А. Аристова. Ученый стремился закрепить форму «Джагатай» за первичным значением заимствования (мон-

⁶⁵ См., например: О. И. Сенковский, *Джагатай, или чагатай*, — «Энциклопедический лексикон», т. 16, СПб., 1839, стр. 232; В. В. Радлов, *Средняя Зерафшанская долина*, — «Записки РГО», 1880, VI, стр. 56. Подобным же образом в переводе «Дневника путешествия...» Р. Г. де Клавихо повсюду дается точная транслитерация испанск. *Chacatau* — «Чакагай», а в приложенных к нему «Объяснительном указателе» (стр. 417) и Оглавлении (стр. 450) читаем: «Джагатай», «Джагатаи».

⁶⁶ См., например: Г. Е. Грум-Гржимайло, *Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии*, СПб., 1898, стр. 89 (прим. 5), 91 (прим. 1), 94 — «Джагатаиды», «Джагатаев», «джагатайцы», но стр. 35, прим. 5 — «Чаадай»; А. Крымский, [добавление к статье «Турецкие наречия и литературы»], — «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 168 — «чагатайцев» и «джагатайцев»; Г. Ахмаров, *Мешера и мешеряки*, стр. 142, прим. 3 — «Чагагай», стр. 143 — «Чагатаев», но стр. 140 — «на джагатайском наречии»; Б. Владимирцов, А. Самойлович, *Турецкий народец хотоны*, — ЗВОРАО, 1916, т. XXIII, вып. III—IV, стр. 272—277 — «джагатайский» (у Владимирцова), стр. 283 — «чагатайский» (у Самойловича). Компромиссная форма *Чжагагай* (ср. также «чжалаир» вместо «джелаир» и «Чжучи» вместо «Джучи») употреблялась в единичных случаях, например, в примечаниях Н. Н. Козьмина к его переводу фрагмента «Aus Sibirien» В. В. Радлова — «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии», Иркутск, 1929, стр. 26, прим. 12.

⁶⁷ В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, стр. 11, прим. 2. Тогда ему еще представлялся «спорным» «вопрос о том, можно ли изменять такие термины из соображений лингвистического пуризма» (там же).

⁶⁸ См.: Ф. Е. Корш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве», — «Изв. ОРЯС АН», 1906, т. XI, кн. 1, стр. 297. См. также: Н. К. Дмитриев, Федор Евгеньевич Корш, [М.], 1962, стр. 20.

гольское личное имя) и за вторичным его значением («Джагатаев улус», «джагатайцы», «джагатайский» {диалект}) — здесь можно было не опасаться расхождений русской передачи с реальным тюркским произношением: подобное словопотребление практически являлось уже редким архаизмом для современных тюркских языков; в то же время звонкая аффриката в анлауте поддерживалась исключительно книжной традицией. Чтение же *чагатай* Н. А. Аристов оставлял для третичных функций этого слова — этнонимической и топонимической⁶⁹, т. е. для тех случаев, в которых необходимо было передать живое произношение тюркоязычных народов, продолжавших использовать это слово в наиболее далеких от первоначального его значения смысловых градациях. Наиболее последовательным продолжателем этой попытки Н. А. Аристова в 20-е годы XX в. был И. Магидович⁷⁰.

Объективно же эти попытки способствовали сохранению на долгое время в русском книжном языке обоих вариантов — чаще всего уже без всякого смыслового различия их (тем более что противопоставление *дж* — *ч* никогда не было релевантным для русского языка). Достаточно назвать заглавия статей в обоих изданиях БСЭ: «Джагатайская литература», «см. Чагатайская литература», «Чагатайский язык, или джагатайский язык», «Чагатайцы, или джагатайцы»⁷¹ и «Джагатайский (чагатайский) улус», «Чагатай (Джагатай)», «см. Джагатайский (Чагатайский) язык»⁷².

И, наконец, третье направление в развитии этого термина в отечественной тюркологии — исходя из «лингвистического пуризма», оно ориентируется на максимальное сближение фонетического облика заимствованного термина с его произношением в тюркских языках, а также с традиционной для живого русского языка передачей: в качестве унифицированного термина избран вариант *чагатай*- (не исключено также влияние стабилизирующей западноевропейской, особенно немецкой, терминологии, утвердившей в правах гражданства

⁶⁹ См.: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 39, прим. 1 на стр. 42—44, стр. 178; его же, Опыт выяснения этнического состава..., стр. 395, прим. 3 и 401.

⁷⁰ И. Магидович, Население Бухары, стр. 221 — «джагатаидских монголов», «джагатаев улус», «джагатаевский улус», но как «этноним» — «чагатай».

⁷¹ БСЭ¹, М., 21, 1931, стлб. 727; 61, 1934, стлб. 19, 20.

⁷² БСЭ², М., 14, 1952, стр. 199; 47, 1957, стр. 17. См. также: «Бабур-наме», перевод М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 15, 19, 490 и 509; «Миниатюры рукописи „Бабур-наме“», М., 1960, стр. 9 и 10; П. Д. Номинханов, Монгольские элементы в этнонимике и топонимике..., стр. 268, 269 и сл.; его же, Исследования по тюркским и монгольским языкам, Алма-Ата, 1966, стр. 6, 12 и сл.; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 424.

тот же вариант *Čaghatai*⁷³). Одним из застрельщиков этого направления, который уже с 1914 г.⁷⁴ последовательно стал пользоваться вариантом *чагатай-*, был А. Н. Самойлович⁷⁵ — ученый всегда очень чутко относился к процессам упорядочения этнолингвистической терминологии в тюркологии, особенно активизировавшимся с начала XX в., и при этом чаще всего угадывал прогрессивную тенденцию в этом процессе, находя в себе силы отказаться от привычного термина в пользу его более перспективной замены (так обстояло не только с термином *чагатай-*⁷⁶, но и с терминами *турецкий*, *тюркский*, *османский*). В языке отечественной тюркологии и алтаистики 20—30-х годов можно наблюдать постепенное вытеснение варианта *джагатай-* стабилизирующимся термином *чагатай-*⁷⁷. Современная тюркология давно уже пользуется только вариантом *чагатай-*, однако самая употребляемость этого термина, возможность применения его по отношению к языку, способы, ареальные и хронологические рамки такой применимости, как и смысловая емкость термина, до сих пор остаются проблематичными, не получив единообразного истолкования и решения в работах различных ученых.

⁷³ См. об этом: В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11, прим. 2.

⁷⁴ Ср.: А. Самойлович, [рец. на:] Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар», — ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. IV, стр. 0157 — «джагатайское»; его же, Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II—III, — там же, 1914, т. XXII, вып. I—II, стр. 136, прим. 1 — «в известном чагат.-осм. словаре Шейха Сулеймана Бухарского».

⁷⁵ Более чем через десятилетие все еще будет необходимо обоснование для давно уже сделанного выбора: «Так как искусственная, книжная транскрипция этого имени „Джагатай“ не является в русской научной литературе общепризнанной и так как при постоянном живом общении со среднеазиатскими турками я привык к живому произношению „Чагатай“ (по-казацки „Шагатай“), усвоенному и западноевропейской литературой, то я вслед за Коршем пишу не „Джагатай“, а „Чагатай“» (А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, стр. 1, прим. 1).

⁷⁶ Даже с введением обобщающего термина «литературный среднеазиатско-турецкий язык» А. Н. Самойлович продолжал пользоваться термином «чагатайский» (см.: А. Н. Самойлович, Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии, — сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934, стр. 169, 174; его же, Памяти великого тюрколога акад. В. В. Радлова, — «Революция и национальности», 1937, 1 (83), стр. 81).

⁷⁷ Ср., например: Н. Н. Поппе, К консонантизму алтайских языков, — ДАН, [серия] В, 1924, апрель — июнь, стр. 43 — «джаг[атайский]»; ср.: его же, К вопросу об отношении алтайских языков к уральским, — «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1926, 3, стр. 103 — «чагатайский»; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 90 — «Джагатай (собственно Чагатай)», стр. 93 и сл. — «джагатайский»; но: его же, История турецко-монгольских народов, стр. 17 и сл. — «Чагатай», «чагатайский».

Термин «чагатайский язык», таким образом, «не придуман учеными, он всего лишь подхвачен ими»⁷⁸. С давних пор тюркологи подчеркивали «неопределенность» и «расплывчатость» этого термина⁷⁹, а также условный⁸⁰ и временный характер его. П. М. Мелиоранский, например, хотя и отчетливо видел все эти отрицательные аспекты термина «джагатайский» (условность которого он почти всякий раз отмечал употреблением его в кавычках), тем не менее признавал, что термин этот «пока (разрядка наша.— Г. Б.) удобен и потому весьма распространён», и называл «джагатайскими» «все вообще среднеазиатские турецкие сочинения с XIII—XVIII вв., происхождение и язык которых не поддаются пока точному определению»⁸¹. Таким образом, П. М. Мелиоранский, видимо, по-

⁷⁸ В. В. Решетов, *Узбекский язык*, ч. I, Ташкент, 1959, стр. 16, прим. 3.

⁷⁹ См., например: П. Мелиоранский, *Турецкие наречия и литературы*,— «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 161.

⁸⁰ Если учесть изложенную выше семантическую эволюцию слова *чагатай*, то, очевидно, условность термина *чагатайский язык* следует понимать совсем иначе, нежели делал это, например, М. Терентьев, который писал: «Производить название языка от имени властителя, конечно, менее основательно, чем от имени народа или даже от имени страны. Народа джагатайского теперь нет, страны джагатайской нет — и вот самое слово почти забыто в Азии. Если бы мы французский язык назвали, положим, „бонапартовским“, то это было бы столько же основательно, как узбекский называть джагатайским. Поэтому, я предпочитаю этнографическое и даже географическое название...» (М. Терентьев, *Грамматика турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков*, кн. I, СПб., 1875, стр. 160). Не принимает во внимание смысловое развитие слова *чагатай* на собственно тюркской почве В. В. Решетов, когда он выражает опасения, что термин «чагатайский язык» «дает формальный повод выводить современных узбеков из Монголии или усматривать предков в выходящих из монгол, явившихся на территорию нынешнего Узбекистана чагатаидами, что в корне неверно и идет вразрез с показаниями гражданской истории» (*Узбекский язык*, ч. I, стр. 16, прим. 3; см. также: В. В. Решетов, *Узбекский национальный язык*,— «Труды Ин-та языкознания АН СССР», М., 1960, X, стр. 123, прим. 4).

⁸¹ П. Мелиоранский, *Турецкие наречия и литературы*, стр. 161; ср. ограничение «чагатайского» языка периодом XV—XVII вв.— П. М. Мелиоранский, *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч. I, СПб., 1894, стр. 4, прим. I. Хронологические рамки «чагатайского» языка истолковываются по-разному. Зачастую к «чагатайскому» относили огромный период в развитии письменных тюркских языков Средней Азии начиная с XII в. по XIX в. или даже по начало XX в.; естественно, что при этом в разряд «джагатайских» попадали и памятники, например, туркменского языка — так, описанный З. Б. Мухамедовой «Джагатайский сборник» включает в себя ряд песен Махтумкули (см.: З. Б. Мухамедова, *Описание туркменских рукописей, хранящихся в Ленинградских собраниях*,— «Труды Ин-та литературы АН ТуркмССР», 1950, IV, стр. 213, 236). В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович справедливо ограничивали этот период XV—XVI (иногда XVII) вв.

лагал, что термин «джагатайский», которым можно пользоваться как своего рода предварительным научным приемом, станет ненужным лишь «со временем, когда все „джагатайские“ рукописи будут изданы и обследованы, их удастся привести в более научную систему»⁸².

В наше время, когда проделана значительная работа в области истории тюркских языков Средней Азии, «выяснилась очень сложная картина в отношении текстов поэтов и писателей Средней Азии XV в.» и «проясняются диалектальные взаимоотношения в текстах XV в.»⁸³. Тем не менее научное систематизирование и систематический языковой анализ всех «джагатайских» рукописей все же еще далеки от своего окончательного завершения: не составлен, например, полный каталог грамматических форм, встречающихся в этих письменных памятниках, не отражен и их словарный состав.

Между тем вне какой бы то ни было зависимости от состояния разработки этих важнейших проблем истории тюркских языков и их исторической диалектологии часть ученых еще в начале 30-х годов решительно отказалась от термина «чагатайский». Отказ от этого термина явился своего рода реакцией на ту, уже вторичную идеологическую окраску, которую слово *чагатайский* приобрело в связи с буржуазно-шовинистической деятельностью националистической группы «Чагатай гурунги»⁸⁴. Давно рассыпались в прах провозглашенные этой группой идеи «чагатаизма» и прежде всего — возврата к мертвому «чагатайскому языку»⁸⁵. В условиях, когда бурно развивается новый узбекский литературный язык, самый призрак «чагатаизма» не составляет никакой реальной опасности. Не только у молодого, но и у среднего поколения тюркологов термин *чагатайский* не вызывает никаких ассоциаций с давно отмершей и забытой «Чагатай гурунги». Вторичная идеологическая окраска этого термина утрачена — и на этот раз, надо думать, навсегда.

Обратной стороной категорического отказа от термина «чагатайский язык» явилось широкое распространение тер-

⁸² П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161.

⁸³ А. К. Боровков, Изучение тюркских языков в СССР, — ВЯ, 1961, 5, стр. 14.

⁸⁴ См. об этом подробнее: А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1940, стр. 8, 55 и сл.; «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума научного совета ВЦК НА. 15—19 февраля 1933 г.», М., 1933, стр. 231—234; «Литература Узбекистана», — «Революция и национальности», 1934, 11, стр. 75.

⁸⁵ А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., стр. 55.

мина «узбекский/староузбекский язык», причем оказалась принятой ретроспективная часть некогда подвергнутой критике «чагатаистской» точки зрения, в соответствии с которой «современный узбекский литературный язык является непосредственным продолжением чагатайского языка, классической чагатайской литературы XIV—XVI ст. ст.»⁸⁶. Термин «староузбекский язык» стал теперь прямолинейно проецироваться в глубь сложнейшей этнолингвистической истории Средней Азии — иногда с оговорками (как, например, «...независимо от происхождения слова „узбек“, значение его в XV—XVI вв. нельзя смешивать с тем, которое оно имеет в наше время»⁸⁷). Делаются попытки соединить противоположные точки зрения на «чагатайский язык» как на «господствующий литературный язык на территории всей Средней Азии»⁸⁸ и на «староузбекский язык» как на «базу для образования современного узбекского языка», а на основе такого соединения — синонимизировать оба термина⁸⁹. А. К. Боровков, в последнее десятилетие своей жизни приветствовавший самую постановку проблемы «чагатайского языка», для средневекового периода стремился употреблять термин «староузбекский язык» в соположении с термином «чагатайский»: «староузбекский язык „чагатайской“ эпохи (XI—XVI вв.)»⁹⁰. Видимо, учет этих точек зрения породил компромиссную, отождествляюще-

⁸⁶ А. К. Боровков, Узбекский литературный язык, — сб. «Язык и мышление», II, 1934, стр. 78; там же см. критику этой точки зрения как «ориентации и возврата к традициям классического чагатайского языка и литературы». Ср., однако: его же, Узбекский язык, — БСЭ¹, 55, М., 1947, стлб. 697. «Непосредственным преемником» «литературного языка улуса Чагатая» староузбекский признается в работах Н. А. Баскакова «Тюркские языки» (М., 1960, стр. 178) и «Введение в изучение тюркских языков» (М., 1962, стр. 264).

⁸⁷ «История Узбекской ССР», т. I, стр. 501. Д. Ш. Шукуров, например, наблюдая одно и то же грамматическое явление «не только в современном разговорном узбекском языке, но и в старом письменном, чагатайском», тут же поясняет: «Под узбеками я здесь разумею ту часть современного узбекского народа, которая в языковом отношении представлена так наз. „чагатайской“ группой узбекских говоров (Джамбул, Чимкент, Ташкент, Ферганская долина)...» (Д. Ш. Шукуров, Из истории киргизского языка, — «Труды ИЯЛИ КирФАН СССР», 1952, вып. III, стр. 70, прим. 1).

⁸⁸ А. К. Боровков, Узбекский литературный язык, стр. 78.

⁸⁹ См., например: «И в качестве такого общего языка (здесь и ниже разрядка наша. — Г. Б.) был избран чагатайский язык или староузбекский, который отражал особенности живой речи XV и XVIII вв. ряда тюркоязычных племен Средней Азии и впоследствии послужил базой для образования современного узбекского языка» (И. А. Батманов, Вопросы формирования киргизского литературного языка, — «Труды ИЯЛИ КирФАН СССР», вып. III, стр. 16; ср.: его же, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 44).

⁹⁰ А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тевфира XII—XIII вв., стр. 13 и сл. Ср.: его же, «Бад'и' ал-лугат», стр. 5 и сл.

объединяющую по своему значению композиту «узбекско-чагатайский (язык)»⁹¹, ср. более раннюю композиту такого же характера: «тюркско-узбекская (Средняя Азия)»⁹².

Экстенсивное укоренение термина «староузбекский язык» и в хронологическом, и в ареальном отношении, как в зеркале, отражает самое широкое толкование «чагатайского языка»⁹³, тем самым сильно затрудняя периодизацию истории тюркских языков⁹⁴. Такая экстенсивность термина «староузбекский язык» игнорирует, по сути дела, принцип, сформу-

⁹¹ И. В. Кормушин, Категория каузатива в алтайских языках. Автореф. канд. дисс., Л., 1968, стр. 9. Другая отождествляющая композита — «чагатайско-тюркский» — носит совсем иной характер, представляя собой кальку с употребленного Абу-л-Гази сочетания *чағатај түрккісі* (см.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 115). Ср. у Ж. Доскараева: «древний среднеазиатский тюркский (чагатайский) язык» (Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка, — «Изв. АН КазССР. Серия филол.», 1946, вып. 4(29), стр. 58).

⁹² Б. Н. Заходер, Алишер Навои (Опыт исторической характеристики), — в кн.: Айбек, Навои, М., 1948, стр. 391.

⁹³ Ср. определение «старого чагатайского языка» как «официально-канцелярского языка Золотой орды в период ее разложения» (Д. Г. Кибкаев, Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов, — сб. «Памяти В. А. Богородицкого», [Казань], 1961, стр. 361), с одной стороны, и определение «золотоордынского» языка как «раннего староузбекского» (А. М. Щербак, Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнейтюркской и староузбекской письменности, М., 1959, стр. 113) и соответственно — отнесение к «староузбекскому языку» «хорезмийские памятники XIV в.» (Э. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в., Ташкент, 1966) — с другой, подвергнутое критике А. Зайончковским, который выделяет самостоятельную «хорезмийско-золотоордынскую» группу средневековых памятников тюркской письменности (см. его статью «К изучению средневековых памятников тюркской письменности», — ВЯ, 1967, 6, стр. 84 и прим. 20 к ней; иную точку зрения см.: Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс., М., 1965). См. также «о памятниках тюркских литературных языков Средней Азии, известных под династичным названием караханидских... (XI—XIII вв.), и золотоордынских (XIII—XVI вв.)» в рецензии А. Н. Кононова на указанную книгу А. М. Щербака (ВЯ, 1963, 5, стр. 131). Э. Н. Наджип считает «Мухаббат-наме» памятником «литературного языка Золотой Орды» (Хорезми, Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961, стр. 17). Ср. в то же время отнесение «Кутадгу билиг» к «чагатайской» литературе (А. Саъдий, Чағатай ва ўзбек адабиёти ва шоирлари, — «Инкилоб», 1923, № 9—10, стр. 181), с одной стороны, и к «узбекской классической литературе» (Э. Эргашев, Лутфий ғазаллари вазидан материал, — «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», Тошкент, 1961, 2, стр. 168) — с другой. Гораздо более реалистично мнение о том, что изучение языка «Кутадгу билиг», как и Словаря Махмуда Кашгарского, «должно пролить свет на историю тюркских языков и прежде всего узбекского, уйгурского, туркменского, казахского и киргизского» (Г. А. Абдурахманов, Исследование по старо-тюркскому синтаксису, М., 1967, стр. 3).

⁹⁴ Для того чтобы показать, сколь широко введен термин «староузбекский язык» в глубь веков, можно сослаться хотя бы на то, что

лированный на X съезде КП(б) Узбекистана: «Глубоко ошибочными и чуждыми духу марксизма-ленинизма являются также попытки возвысить историю узбекского народа ценой умаления исторических заслуг других братских народов Средней Азии, или наоборот, особенно, если иметь в виду то несомненное обстоятельство, что история развития народов Средней Азии переплеталась и находилась в тесном взаимодействии»⁹⁵. Во всяком случае, экстенсивное применение термина «староузбекский язык» вызывает ответную реакцию лингвистов братских тюркоязычных республик Средней Азии — в качестве примера можно указать на попытку рассматривать «Бабур-наме» как произведение, которое «по языку ближе к казахскому, чем к современному узбекскому языку»⁹⁶. Сходные ситуации не являются исключительными в развитии культур близкородственных народов, тесно соприкасавшихся в своем историческом развитии; достаточно со-

«в основном, произведениями узбекской классической литературы» признаются и «такие, как „Тафсири“ (среднеазиатский толковник корана), „Кысас ал-анбия“ Рабгузи...» [Ш. Шукуров, Настоящие и будущие времена глагола в письменных памятниках староузбекского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1960, стр. 4; в его книге «История развития глагольных форм узбекского языка» (Ташкент, 1966, стр. 11) говорится без конкретизации вообще о «письменных памятниках узбекского языка XII—XIX вв.», хотя в литературе высказывались, например, веские соображения против отнесения хотя бы «Кысас ал-анбия» к «чагатайскому языку». Более того, памятники древнетюркской письменности (енисейско-орхонские, древнеуйгурские и др.) рассматриваются теперь в русле истории узбекского языка (см.: Э. Фозилов, Узбек тилининг тарихий морфологияси, Тошкент, 1965). Такая трактовка истории узбекского языка делает обоснованным упрек Я. Экмана в адрес тех тюркологов, которые желают «видеть в узбекском непосредственное продолжение древнетюркского» («Philologiae turcicae fundamenta», I, 1959, стр. 141). Ср. подобное же отнесение орхонских надписей, «Дивана» Махмуда Кашгарского к турецкому, туркменскому языкам (см., например: С. Ахаллы, Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык. Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1958, стр. 3).

⁹⁵ Цит. по: «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», стр. 52—53; ср. также стр. 67.

⁹⁶ Г. Г. Мусабаяев, Современный казахский язык. I. Лексика, Алма-Ата, 1959, стр. 115. Такое утверждение сделано на основе сопоставления с современным казахским языком фрагментов текста «Бабур-наме», вольно транслитерированных посредством современной казахской графики, причем в этом тексте автор заметил «только некоторые фонетические отклонения от современной орфографии» (там же, стр. 85). Впрочем, точно такая же методика в отношении перевода текстов «Бабур-наме» и других произведений средневековой литературы на современные орфографические и орфоэпические нормы практикуется и в Узбекистане. Ср. подобное же отнесение, например, «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сарая (XIV в.) к «староузбекскому языку» (Э. Фазылов, Староузбекский язык..., стр. 6 и сл.), хотя более обоснованно этот памятник относят к «кыпчакско-огузскому литературному языку мамлюкского Египта» (Э. Н. Наджиб, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 4 и сл.).

слаться на спор украинских и белорусских языковедов, пытающихся разграничить украинское и белорусское наследие среди памятников, написанных «общим украинско-белорусским койне» (или «западнорусским») ⁹⁷, который, по определению П. И. Житецкого, «не есть цельный язык с основными чертами одного какого-нибудь наречия, а диалектологическая смесь особенностей южно-русских и белорусских...» ⁹⁸.

В тюркологических работах последних лет все чаще обращаются к традиционной точке зрения на средневековый «общий письменно-литературный язык не одного или двух племен, а многих тюркоязычных народностей» Средней Азии ⁹⁹— «это был прежде всего литературный язык, и потому замыкание в узкие племенные рамки не позволило бы ему выполнить свое назначение» ¹⁰⁰. При классификации средневековых памятников тюркской письменности стремятся выделять наряду с другими «чагатайскую (восточно-тюркскую)» группу их «по принципу регионально-государственных структур» ¹⁰¹.

В самом деле, в силу исторических обстоятельств к XV веку, к концу которого приурочивается «„золотой век“ джагатайской литературы», Среднюю Азию населяло «весьма пестрое этнографически турецкое [т. е. тюркское.— Г. Б.] население, несомненно говорившее на различных диалектах, которые, смешиваясь друг с другом и всячески влияя друг на друга, не могли не внести и в тогдашнюю турецкую письменность значительной диалектической пестроты» ¹⁰². Эта «диалектиче-

⁹⁷ См. об этом, например: Л. Л. Гумецкая, Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода,— ВЯ, 1965, 2; ср. также: ВЯ, 1969, 5, стр. 149.

⁹⁸ П. И. Житецкий, Очерк звуковой истории малорусского наречия, Киев, 1876, стр. 279—280.

⁹⁹ Т. Р. Кордабаев, Синтаксис казахского языка на материале XVI—XX вв. Доклад... на соискание уч. степени д-ра филол. наук, Алмата, 1967, стр. 10, 11. См. также: Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 91; А. Аманжолов, «Шагатай» тіліне шалагай карамайык,— газ. «Қазақ әдебиеті», 7.1.1968, № 2 (884). Ср. определение П. М. Мелиоранского: «Этот литературный „джагатайский“ язык, как и многие литературные языки, не является представителем какого-нибудь одного наречия в его чистом виде [разрядка наша.— Г. Б.], а есть продукт смешения двух или даже нескольких диалектов...» (П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161).

¹⁰⁰ Е. Э. Бертельс, Навои и литература Востока,— Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 433.

¹⁰¹ А. Зайончковский, К изучению средневековых памятников тюркской письменности, стр. 84. Ср.: Э. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 88—91.

¹⁰² П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. III. См. также: В. В. Радлов, Ярлык Токтамыша и Темир-Кутлуга, стр. 2 (отд. отт. из: ЗВОРАО, 1889, т. III).

ская пестрота» усугублялась издавна отмечаемыми территориальными несовпадениями географических пределов бывшего «Чагатаева улуса» и ареала распространения «чагатайского языка»¹⁰³.

В период средневековья, когда «выработка фиксированных норм письменно-литературного языка» далеко опережала «устно-языковое объединение народа»¹⁰⁴ и «...пока в образованные классы не проникло сознание, что писать можно на том самом языке, которым говорят, книжный язык продолжал свою отдельную жизнь, питаясь в своей искусственности и архаичности... подражанием старым образцам»¹⁰⁵. Сквозь стремление «многих „джагатайских“ писателей» «подражать в своих произведениях языку более старых памятников, вводить старинные вышедшие уже из употребления слова и формы и придавать таким образом своему языку искусственно некоторую архаичность»¹⁰⁶ исследователи видели подпочву (или «основание») чагатайского языка в письменном древнеуйгурском языке¹⁰⁷ (иначе — «караханидско-тюркском», «карлукско-уйгурском литературном языке»), а другим его источником считают «более ранний кыпчакско-огузский язык хикматов Ахмада Есеви»¹⁰⁸. А. Н. Кононов полагает, что «ча-

¹⁰³ См. об этом, например: П. М. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161. В частности, здесь в качестве «одного из главных центров „джагатайской“ литературы наряду с Самаркандом, Бухарою и Андижаном» назван также и Герат; «„джагатайскими“ произведениями считаются и происходящие из теперешнего Хивинского ханства, северной части Афганистана и северо-восточной Персии». А. К. Боровков, рассматривавший поэтов, названных Навои в «Маджаллис ан-нафа'ис», с точки зрения их языковой и территориальной принадлежности, отметил, что тюркоязычные (türkigoj, по Навои) поэты происходили также из Балха, Хорасана, Андохя (А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 94).

¹⁰⁴ Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935, стр. 7. Ср., однако, мнение о том, что «староузбекский язык — литературный язык, возникший в эпоху формирования узбекской народности (XV в.) на базе общенародного языка (разрядка наша.— Г. Б.) и более древних среднеазиатских литературных языков...» (Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 178; его же, Введение... стр. 264).

¹⁰⁵ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, М., 1941, стр. 69.

¹⁰⁶ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III.

¹⁰⁷ В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, стр. 1.

¹⁰⁸ Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 90; см. также: В. Д. Артамошина, Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои, — сб. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 7. Ср.: А. К. Боровков, Очерки по истории узбекского языка (Определение языка хикматов Ахмада Ясеви), — «Советское востоковедение», V, М. — Л., 1948, стр. 250.

гатайский язык» «восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоордынского (XIII—XV вв., низовья Сыр-Дарьи и Хорезм)...»¹⁰⁹. Иными словами, обнаруживаются неоднозначные ретроспективные соотношения «чагатайского» языка.

Типологическое сходство ситуаций как в самом развитии донациональных литературных языков разных групп — тюркских и славянских, так и в научных дискуссиях по поводу характера этого развития делает правомерным пристальное внимание тюрколога к выдвигаемым славистами предположениям в этой области. Для периодизации истории узбекского литературного языка, как и для прояснения отношений между «чагатайским» и современным узбекским литературным языком оказывается небезынтересно учесть опыт рассмотрения на разных уровнях абстракции понятия «литературный язык как историко-культурное явление» и понятия «конкретная манифестация этого явления» («языковой орган») в тот или иной исторический период¹¹⁰.

При таком подходе становится возможным объяснить, почему в разные периоды развития узбекской народности в качестве инструмента культурного общения (с учетом исторической изменчивости потребностей такого общения) использовались разные «языковые органы» (которые не являлись полностью идентичными ни с одной из существовавших до тех пор единиц и которые, по-видимому, носили чаще всего наддиалектный характер). К осознанию этого положения приближались отдельные ученые. Так, например, «старые литературные языки Средней Азии» — «караханидский... и золотоордынский» именуется «предшественниками староузбекского»¹¹¹; предлагается также выделять «чагатайский язык» наряду со «староузбекским языком (XV в.)»¹¹². Особенно близко к этому подходил Т. Салимов, утверждая: «Язык, который является государственным языком нашей республики, по историческим обстоятельствам и условиям на протяжении веков несколько раз менял свое название — тюркский, уйгурский, чагатайский, кыпчакский, узбекский»¹¹³. Добавим к

¹⁰⁹ А. Н. Кононов, Ценный труд по грамматике староузбекского языка, — «Общественные науки в Узбекистане», 1953, 8, стр. 64.

¹¹⁰ См.: Е. И. Демина, «Начало» современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии, — ВЯ, 1969, 6.

¹¹¹ Аннотация к кн.: А. М. Щербак, Огуз-наме. Муҳаббат-наме, стр. 5.

¹¹² См.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 181; его же, Введение..., стр. 267.

¹¹³ См. сб. «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», стр. 101.

этому, что вместе с названием языка безусловно менялся и языковой орган, т. е. менялся инструмент культурного общения в целом, использовавшийся узбекской народностью на том или ином этапе ее исторического развития. Такой подход реалистичен, при нем становится ненужным, как подчеркивал Е. Э. Бертельс, «деятелям прошлого вкладывать в уста то, чего они не говорили, да и говорить не могли»¹¹⁴.

Сообщенный Т. Салимовым перечень «языковых органов», которыми как своими манифестациями пользовалось историко-культурное явление «узбекский литературный язык» на пути своего развития, должен быть пополнен еще персидским и таджикским языками. О том, что культура ряда тюркоязычных народов Средней Азии на определенном этапе своей истории была двуязычной, имеется известное свидетельство Навои в «Мухакамат ал-лугатайн»: «У тюрков от мала до велика, от нукера до бека — все знакомы с языком сартов [т. е. таджиков и персов.— Г. Б.] так, что они могут говорить о своих повседневных делах, а некоторые даже разговаривают красноречиво и изящно. Тюркские поэты даже слагают на персидском языке яркие стихи и сладостные притчи»¹¹⁵. Во всяком случае, 90% всех поэтов, которых упомянул Навои в «Маджалис ан-нафа'ис», «писало по-персидски и даже и те из них, кто писал на тюрки, зачастую писали на обоих языках»¹¹⁶,— как, кстати, и сам Навои, которого еще в молодости прозвали «обладателем двух языков» и который, по предположению Е. Э. Бертельса, «начал писать на персидском языке»¹¹⁷. Позднее «персидский литературный язык по-прежнему остается официальным языком узбекских ханств в Средней Азии (исключая Хиву, где тем не менее официальным языком казийского судопроизводства таджикский язык оставался до середины XIX в.). На персидском языке пишут свои произведения придворные поэты и историки бухарских ханов XVI и последующих веков»¹¹⁸.

Таким образом, принятие излагаемого здесь подхода к узбекскому литературному языку как к историко-культурному явлению расширяет круг материалов, с которыми должен иметь дело исследователь истории узбекского литературного языка. Перед ним встает проблема изучения персидского (тад-

¹¹⁴ Речь шла о том, что «проф. Саади заставляет Навои говорить об узбекском или, что еще более странно, староузбекском языке» (Е. Э. Бертельс, Отзыв на диссертацию проф. А. Г. Саади «Творчество Навои как высший этап в развитии узбекской классической литературы»,— Избранные труды. Навои и Джамии, М., 1965, стр. 455).

¹¹⁵ Цит. по: Е. Э. Бертельс, Навои,— там же, стр. 190.

¹¹⁶ Там же, стр. 27.

¹¹⁷ Там же, стр. 85; также стр. 52, 433.

¹¹⁸ «История народов Узбекистана», т. 2, стр. 49.

жикского) языка произведений двуязычных тюркских поэтов с точки зрения тюркологической; результаты такого изучения могут быть включены в периодизацию истории литературного языка узбекского народа — разумеется, с сохранением существующей терминологии.

Это тем более важно, что, по мнению П. М. Мелиоранского, и сам «чагатайский язык создан не без участия иранских элементов»¹¹⁹. Такое участие было естественно в условиях длившегося веками иранско-тюркского двуязычия, в условиях, когда «тюркское население мирно жило бок о бок с населением иранского происхождения уже по крайней мере две тысячи лет тому назад, почему культура и история этих народов и сплетены так тесно»¹²⁰.

Арабский язык «в широких массах... распространялся, главным образом, как язык религии и в тех пределах, в каких он нужен для отправления религиозных обязанностей мусульманина»¹²¹. Георги, отмечая, что, например, «бухарцы сами имеют изрядных священнослужителей», подчеркивал особо: «а купцы их говорят арабским языком проворно»¹²². Арабский язык был «основой всей научной литературы» средневековья, без владения им было немислимо само понятие «мусульманской образованности»¹²³. Между тем довольно рано среди неарабов — деятелей науки и культуры, «не только воспринимавших с успехом арабско-мусульманскую культуру, но и содействовавших ее развитию, появились и турки»¹²⁴ (т. е. тюрки). Широкому внедрению арабизмов в «чагатайский язык» способствовали не только эти факторы непосредственного освоения тюрками арабского языка, но и фактор, так сказать, косвенный — насыщенность арабизмами персидского языка¹²⁵. Достаточно сказать, что лексикографическое обследование языка Навои, в чьих произведениях, по мнению его современников (Бабур) и позднейших авторитетов восточной лингвистики (Мирза Мехди-хан Астрабади, Сулайман Бухари), язык тюрки «представлен в своей наиболее чистой

¹¹⁹ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III. В частности, о том, что «язык бухарцев», «походит нарочито на персидской», писал еще И. Георги (Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. 2, СПб., 1776, стр. 64).

¹²⁰ Е. Э. Бертельс, История персидско-таджикской литературы, — Избранные труды, М., 1960, стр. 72.

¹²¹ Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре, М.—Л., 1935, стр. 11.

¹²² [Георги], Описание..., ч. 2, стр. 64.

¹²³ Е. Э. Бертельс, Низами, М., 1956, стр. 70.

¹²⁴ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. VI.

¹²⁵ Об исторических корнях этого явления см.: Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре, стр. 14 и сл.

форме»¹²⁶, требует участия иранистов и арабистов наряду с тюркологами. Начато изучение доли участия персидского, таджикского и арабского языков пока в грамматике языка одного лишь Навои¹²⁷.

Благодаря тому, что в «чагатайском языке», с одной стороны, могли сочетаться, по выражению П. М. Мелиоранского, «разноместные и разновременные слова и формы»¹²⁸, а с другой стороны — своеобразно преломлялся язык «мусульманской образованности» (арабский, отчасти персидский), возникали предпосылки использования этого языка в целях культурного общения многих тюркоязычных народностей в донациональный период¹²⁹.

Любопытное определение чагатайского языка как инструмента культурного общения ряда тюркоязычных народностей, имеющего своеобразную языковую субстанцию, дал, основываясь на свидетельствах ученых, происходящих из этих народностей, русский историк середины XVIII в. В. Н. Татищев: «Бухары и другие ученые сего народа в Астрахани и Казани чегодайский язык почитают за начало и главнейший в татарских [т. е. тюркских.— Г. Б.] диалектах и оной за нужно почитают ученому совершенно разуметь, и он так от простого татарского разный, что не учась разуметь не можно, хотя слов подобных в татарском множество»¹³⁰.

Во всяком случае, тот «чагатайский», или язык тюрки, который был утверждён в правах стандартного языка культурного общения Алишером Навои в XV в., без каких бы то ни было заметных изменений был принят для тех же целей в начале XVI в. узбеками Шейбани-хана¹³¹ (последним этниче-

¹²⁶ Е. Э. Бертельс, *Навои и литература Востока*, стр. 434.

¹²⁷ См.: А. Рустамов, *Некоторые грамматические особенности языка «Махбул-кулуб» Алишера Навои*. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1958; его же, *Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои*. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1966. Более широко вопрос о роли «внешнего толчка со стороны мощного литературного языка: арабского» в развитии грамматических категорий тюркских языков ставил Н. К. Дмитриев (*Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 171).

¹²⁸ П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, стр. III.

¹²⁹ П. М. Мелиоранский определял «чагатайский» как «язык, на котором написаны сочинения разноплеменными тюрками Средней Азии...» (*Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч. I, стр. 4, прим. 1).

¹³⁰ В. Н. Татищев, *История Российская*, т. I, стр. 240. Замечание В. Н. Татищева о своеобразии языковой субстанции «чегодайского языка» может быть сопоставлено с известным противопоставлением «чагатайско-тюркского» и «тюркского» у Абу-л-Гази.

¹³¹ Б. Н. Заходер несколько произвольно сместил из XV в. на XV—XVI вв. «сложение среднеазиатского тюркского литературного языка» для того, чтобы связать это явление с «периодом формирования узбекского государства» (Б. Н. Заходер, *Алишер Навои...*, стр. 388).

ским компонентом, который дал свое имя складывавшейся узбекской народности): Мухаммед Салих, поэт, как он сам отмечает, из «чағатайского племени» (чағатај ili), перешедший на службу к Шейбани-хану, пишет «Шейбани-наме» тем же самым языком, каким пользовались Навои и Бабур.

Бесспорно, что «чағатайский язык», использовавшийся в средневековый период, а в ряде случаев — и в более поздний период¹³², «оказывал большое влияние на формирование литературных языков народов Средней Азии и на татарский»¹³³; по мнению М. Мансуроглу, староанатолийско-турецкий литературный язык также сохранял вплоть до XV в. живые связи с «чағатайским языком»¹³⁴. Даже и на этом только основании «чағатайский язык», для которого к тому же — при всей невозможности проникнуть в реальные языковые отношения тюркского средневековья — бесспорны многоместные соотношения в диахронической перспективе, вполне возможно соотносить не только с современным узбекским языком в его литературной и многочисленных диалектных репрезентациях (в том числе и с говором «тюрков» Узбекистана¹³⁵). В некоторых своих деталях этот язык может быть сопоставляем и с другими тюркскими языками и диалектами Средней Азии¹³⁶, как и с «синь-цзянско-уйгурским литературным языком... нового периода XIV—XX вв.»¹³⁷.

¹³² Еще в конце прошлого века казахам, обучавшимся грамоте у татар, внушалось, что «их язык есть язык испорченный, нечистый (за норму при этом принимается нередко... джағатайский язык)» (П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, стр. 4). В результате для культурного общения возник «письменный, так сказать, „джағатайско-татарско-киргизский“ язык», существенно отличавшийся от живой речи казахов (там же).

¹³³ И. А. Батманов, Краткое введение..., стр. 103. Ср. также: С. Е. Малов, История казахского языка, — ИАН ОЛЯ, 1941, 3, стр. 100; Т. Р. Кордабаев, Синтаксис казахского языка..., стр. 10, 11; С. Ахалы, Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык, стр. 3.

¹³⁴ См. об этом: М. Мансуроглу, Das Altosmanische, — «Philologiae turcicae fundamenta», I (см. рецензию: ВЯ, 1962, 1, стр. 108).

¹³⁵ См.: Г. Ф. Благова, Х. Д. Данияров, Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы, — ВЯ, 1966, 6.

¹³⁶ См.: З. Б. Мухамедова, Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений. Автореф. докт. дисс., М., 1969, стр. 3; Г. Ф. Благова, Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка, — ВЯ, 1965, 1; ее же, Из истории межтюркских языковых контактов, — «Народы Азии и Африки», 1969, 2; ее же, Использование достижений современной узбекской диалектологии при освещении фактов истории узбекского языка, — «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV, Баку, 1966; Д. Ш. Шукуров, Из истории киргизского языка, стр. 70.

¹³⁷ А. К. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935, стр. 205. См. также: А. Кайдаров, Уйгурский литературный язык и вопросы

Прежде всего, именно эти многоместные диахронические соотношения «чагатайского» языка как в перспективе его развития, так и в ретроспективе не позволяют однозначно истолковывать его как только «староузбекский» литературный язык, который, «естественно подвергаясь некоторым изменениям на протяжении пяти веков, представляет единую линию развития»¹³⁸, или трактовать «чагатайский» как «язык, доживший до наших дней и теперь называемый узбекским»¹³⁹.

Признавая бесспорной важную роль «чагатайского языка» в развитии историко-культурного явления «узбекский литературный язык» и имея в виду безусловную преемственную связь между «чагатайским» и современным узбекским литературным языком, которая возникла в результате взаимодействия этих двух типов письменного языка, нельзя тем не менее согласиться с таким полным и безоговорочным отождествлением «староузбекского» и «чагатайского» уже пото-

разработки научных принципов терминоворчества, — «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965, стр. 6; Н. Катанов, Приемы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы, — «Сборник статей учеников проф. В. Р. Розена», СПб., 1897, стр. 30.

¹³⁸ А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 120. См. также о староузбекском языке как «непосредственном предшественнике современного узбекского литературного языка»: Е. Э. Бертельс, Навои, — Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 46. С этой точки зрения не удивительны дефиниции вроде «литературный узбекский язык XV в.» (А. Рустамов, Некоторые грамматические особенности языка «Махбул-кулуб»..., стр. 15).

Ср. противоположную тенденцию в русском языкознании: veskie и обоснованные возражения В. В. Виноградова вызвал тезис Б. О. Унбегауна о «непрерывном развитии, без какого бы то ни было разрыва, русского литературного языка с киевского периода до наших дней. Это положение неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося» (Б. О. Унбегаун, Язык русской литературы и проблемы его развития, — VI-e Congrès international des slavists. Communications de la délégation française et de la délégation suisse, Paris, 1968, стр. 129). В. В. Виноградов показал, что обратной стороной этого тезиса является признание того, что русский литературный язык «свободен от глубоких связей с русской народно-речевой почвой и всеми „сокровищами родного слова“ обязан языку церковнославянскому» (В. В. Виноградов, О новых исследованиях по истории русского литературного языка, — ВЯ, 1969, 2, стр. 9).

¹³⁹ С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, — ИАН ОЛЯ, 1947, 6, стр. 475. Однако там же (стр. 476) С. Е. Малов недвусмысленно высказался за сохранение исторически сложившейся терминологии: «У нас нет особых оснований менять эту историческую терминологию, если мы не хотим смазывать и затушевывать ее наполненную своим специальным содержанием специфичность и если нет у нас к этому достаточных и уважительных причин. Конечно, делать это можно и это делают, но причин для этого в данном случае, кроме воображаемых, нет».

му, что «чагатайский язык» — понятие гораздо более поливалентное, нежели «староузбекский язык». Будучи по самому своему содержанию значительно уже понятия «чагатайский язык», понятие «староузбекский язык» не покрывает всего того содержания, которое входит в понятие «чагатайский язык». Вытекающее из такого полного отождествления признание современного узбекского литературного языка «стадиальным продолжением» «чагатайского языка»¹⁴⁰ совершенно не учитывает, что «при установлении начального момента развития литературного национального языка следует иметь в виду два критерия: 1) осознание данного языка в качестве национального; 2) конкретное проявление его национальной формы», причем эти критерии, как правило, хронологически не совпадают¹⁴¹.

При упрощенной трактовке как «узбекского языка XII—XIX вв.»¹⁴² ряда стандартных письменных языков, которыми в качестве инструмента культурного общения пользовалась складывающаяся узбекская народность в разные периоды своей истории, искусственно сужается сложнейшая проблема. Так, если А. Н. Кононов еще и еще раз напоминает «о преемственности литератур и литературных языков государства Караханидов — Золотой Орды — Чагатаева улуса», о том, что «под „чагатайским“ (равно как и „староузбекским“) языком всегда понимался письменный (книжный) литературный язык, который явился не „мастерской“ переработкой какого-то одного диалекта, а восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоордынского (XIII—XV вв., низовья Сыр-Дарьи и Хорезм)...»¹⁴³; если на Е. Э. Бертельса язык «Хибат ал-хакайик», в частности, производил «впечатление

¹⁴⁰ И. А. Батманов, Краткое введение., стр. 44.

¹⁴¹ L. Todogov, In legătură cu unele probleme ale limbii literare terare bulgare, «Romanoslavica», Bucureşti, 1963, стр. 127 (цит. по: Е. И. Демина, «Начало» современного болгарского литературного языка..., стр. 86).

¹⁴² Ш. Шукуров, История развития глагольных форм узбекского языка, Ташкент, 1966, стр. 11.

¹⁴³ А. Н. Кононов, Ценный труд по грамматике староузбекского языка, стр. 65, 64. Смещение понятий литературного языка как историко-культурного явления и «языковых органов», которыми это явление на разных этапах развития пользовалось для своего выражения, проглядывает в той терминологической непоследовательности, которую можно отметить в книге А. М. Щербака «Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древней уйгурской и староузбекской письменности» (разрядка наша.— Г. Б.). С одной стороны, в аннотации к книге (стр. 5) «среди старых литературных языков Средней Азии» выделяются «караханидский или карлукско-уйгурский (XI—XIII вв.) и золотоордынский (XIII—XV вв.)», которые справедливо называются «предшественниками староузбекского»; в соответствии с этим «Огуз-наме» определен как

перехода от „уйгурского“ к „староузбекскому“¹⁴⁴, то в исследованиях узбекских языковедов исчезает уже и самый термин «древнеуйгурский», или «караханидский», «золотоордынский». Например, язык «Хибат ал-хакайик» объявляется теперь «переходным этапом от древнеузбекского к староузбекскому и узбекскому языку. Надо сказать, что он во многом близок и к современному узбекскому языку»¹⁴⁵. При таком подходе остается без внимания «специфический для советского языкознания вопрос о национальном языке как историко-лингвистических путях и условиях его формирования», а между тем именно «на этой почве в новом свете предстали и проблемы литературных языков и специфика их формирования и развития»¹⁴⁶.

При трактовке узбекского литературного языка как «единой линии развития», без какого бы то ни было разрыва, на протяжении пяти веков (а при теперешнем понимании, с включением в «древнеузбекский» языка енисейско-орхонских надписей,— на протяжении почти что десяти веков) не придается значения собственно структурным отличиям современного узбекского литературного языка от «чагатайского» — тем самым, о которых вполне категорически заявлял А. К. Боровков в работе 1933 г.¹⁴⁷. По-видимому, именно эти «многие актуальные вопросы и проблемы, касающиеся выявления общей специфики и индивидуальных лексико-грамматических черт», имел в виду В. В. Решетов, когда писал, что нерешенность этих проблем «сплошь и рядом приводит к неверной оценке староузбекского языка в целом»¹⁴⁸. Точно так же при

«карлукско-уйгурский», а «Мухаббат-наме» — как «золотоордынский». Но, с другой стороны, тут же подчеркнуто, что «эти тексты дают представление о природе староузбекского литературного языка» (стр. 5).

¹⁴⁴ Е. Э. Бертельс, Хибат ал-хакайик Ахмада Югнаки, — «Труды САГУ». Нов. серия, 1945, вып. 3, Гуманитарные науки, кн. I, стр. 45.

¹⁴⁵ К. Махмудов, О произведении Ахмада Югнекского «Хибатул-хакайик» и его языке, — «Общественные науки в Узбекистане», 7, 1963, стр. 56.

¹⁴⁶ «Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет», — ВЯ, 1967, 5, стр. 12.

¹⁴⁷ «Современный узбекский язык нельзя включить в синтаксические и морфологические рамки чагатайского языка»; речь идет и «об абсолютной семантической неадекватности средневекового чагатайского литературного языка и современного литературного узбекского языка» (А. К. Боровков, Узбекский литературный язык, стр. 85, 84). А. К. Боровков считал тогда, что «с точки зрения науки позволительно говорить об элементах воздействия чагатайского языка на современный литературный узбекский язык, — это и есть тема научного исследования, иная постановка абстрактна и не научна» (там же, стр. 84).

¹⁴⁸ В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, стр. 21.

изучении истории узбекского литературного языка не принимается во внимание общепризнанный факт существования глубоких различий в литературном языке донационального и национального периодов¹⁴⁹.

Игнорируются коренные различия в объеме и характере общественных функций, с одной стороны, «чагатайского» языка, который при минимальной грамотности народа в средние века до формирования узбекской национальности, естественно, не мог быть общенародным¹⁵⁰, и, с другой стороны, современного узбекского общенационального литературного языка. Социальные ограничения, налагаемые на функциональную сферу распространения «чагатайского» языка, выразились в том, например, что «чагатайский» зачастую или вовсе не использовался «в качестве языка официального делопроизводства и исторической литературы», или «предпочтение отдавали все-таки персидскому языку»¹⁵¹. Своеобразие литературы на «чагатайском» языке, которую по ее направлению в целом, конечно, нельзя считать реалистической, ее канонический характер на фоне преобладания поэтических жанров с их чуждой тюркским языкам метрической системой были одной из важных причин консервации языковых и стилистических норм¹⁵². Консервацию стиля можно усмотреть и

¹⁴⁹ Е. И. Демина, «Начало» современного болгарского литературного языка..., стр. 88—89 и сл.; А. В. Исаченко, Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских языков,— ВЯ, 1958, 3, стр. 42.

¹⁵⁰ «Трудно допустить,— пишет В. В. Решетов,— что письменный язык XV и смежных с ним веков, отличаясь „высоким стилем“, был доступен широким массам...» (В. В. Решетов, Узбекский национальный язык, стр. 126). Быть может, в связи с этим обстоятельством следует рассматривать и сообщения о том, что уже «в эпоху Навāйи „чагатайский“ язык... оторвался от той или иной конкретной диалектной базы»: «в произведениях классиков староузбекской литературы, исключая предшественников Навāйи, формы и фонетические особенности с ярко выраженной диалектной принадлежностью почти не встречаются» (А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 13). Ср. характерное для древнеславянского литературного языка XIV—XV вв. и XVI—XVII вв. «стремление отграничить письменный язык от языка разговорного, языка субстратно-диалектного, стремление придать ему книжный, интерславянский характер» (Н. И. Толстой, Роль кирило-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности,— «Исторические связи славянских народов. Доклады к V Международному конгрессу славистов», М., 1963, стр. 31).

¹⁵¹ Так было, например, в Бухарском и Кокандском ханствах — см. об этом: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 116.

¹⁵² Намечающийся разрыв между традицией, продолжающей использовать «чагатайский язык» в качестве инструмента культурного общения, и живым восприятием этого языка как явления уже архаического можно усмотреть в известных словах Абу-л-Гази о том, что в своей летописи он «не прибавил ни одного выражения из чагатайско-тюркского».

в средневековой научной литературе со свойственным ей преобладанием языка мусульманской образованности и велеречивости, с отсутствием научной логики рассуждений. Широчайшее же функциональное развитие современного узбекского литературного языка как языка социалистической национальности — языка государственных решений и делопроизводства, языка радио, телевидения и газет, языка науки и самых разнообразных жанров реалистической литературы — подразумевает формирование совершенно новой, четко дифференцированной стилистической системы. Мощный фактор массовой коммуникации — книгопечатание — развился в полную свою силу только в национальный период истории узбекского литературного языка.

Не учтенным остается и другой важный фактор — принципиально иная графическая система «чагатайского» языка, нежели у современного литературного узбекского языка. Как писал П. М. Мелиоранский, «...теперь стало уже общим местом, что арабский алфавит весьма мало пригоден для изображения звуков турецкого языка [т. е. тюркских языков.— Г. Б.], и это обстоятельство всегда было и будет большой помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников турецкого языка [т. е. тюркских языков.— Г. Б.], особенно со стороны фонетики...»¹⁵³. В то же время благодаря именно тому факту, что орфография «чагатайских» рукописей «все-таки, по-видимому, не „фонетична“, а чисто условна»¹⁵⁴, близкородственным тюркским языкам предоставлялась уникальная возможность для фонетически неоднозначного чтения одного и того же текста. А это, при довольно ранней консервации «чагатайского» литературного языка¹⁵⁵, в свою очередь, усиливало впечатление его «всеобщности» как «орудия межтюркской культуры» довольно широкого ареала.

В добавление к вышесказанному надо принять во внима-

¹⁵³ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III. Н. И. Ильминский в письме от 3 мая 1876 г., отмечая, что арабский алфавит очень неудобен для тюркских языков, подчеркивал особо последствия, которыми, по его мнению, чревато применение этого алфавита к казахскому (по старой терминологии — киргизскому) языку: «Сравнивая языки татарский и киргизский, можно сказать, что арабско-татарское письмо еще мало-мальски идет к татарскому языку, но уже совершенно не годится для киргизского. Оно делает даже то, что, ступившая и скрывая фонетические особенности киргизского языка, для последнего существенно важные, влечет его к поглощению языком татарским и следовательно к уничтожению» (Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам, Казань, 1883, стр. 19).

¹⁵⁴ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III.

¹⁵⁵ А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, стр. 16.

ние еще произошедшую на глазах наших современников смену поколений («старого» поколения и «нашей узбекской молодежи», на что обращал внимание еще С. Е. Малов), между которыми — пропасть в самом характере их образованности, в характере используемых систем письменности, наконец, в самом восприятии классической «чагатайской» литературы.

Если учесть все вышеизложенное и к тому же вспомнить о происходившей в конце 20-х — начале 30-х годов нашего столетия острейшей борьбе против попыток «чагатаизации» современного узбекского литературного языка (а причиной этой борьбы было как раз то, что узбекская нация к моменту своего формирования не располагала достаточно развитым вариантом литературного языка на народной основе), станет очевидной методическая неоправданность и неисторичность одномерной трактовки современного узбекского литературного языка с его обширнейшей функциональной сферой и сильно развитой системой функциональных стилей всего лишь как прямого и непосредственного продолжателя «чагатайского», герр. «староузбекского» языка, «единая линия развития» которого не прерывается, по крайней мере, на протяжении пяти веков.

Высказанные в самое недавнее время концепции периодизации исторического развития тюркских языков (Э. Н. Наджип, А. Зайончковский), в которых возрождены традиционные попытки проследить многоместные диахронические соотношения для зафиксированных средневековых письменных тюркских языков, все еще не получили отклика в трудах историков тюркских языков.

Между тем насущной задачей изучения истории тюркских языков является широкое и критическое обсуждение всех существующих концепций периодизации их истории и классификации памятников средневековой тюркской письменности. При этом необходимо принять во внимание наметившееся научное движение в новом направлении при разработке истории славянских литературных языков¹⁵⁶. Это тем бо-

¹⁵⁶ «Обсуждение вопросов формирования и развития национальных литературных славянских языков, в первую очередь, восточно- и южнославянских, показало также необходимость построения истории древнеславянского языка как единого литературного (культурного) языка славянства»; актуальными остаются «опыты создания общей истории древнеславянского языка... в тех или иных локальных ареалах (восточно- или южнославянском или уже — русском, украинско-белорусском...)» — Н. И. Толстой, Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода, — «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 230.

лее необходимо, что в развитии старописьменных литературных языков, даже и принадлежащих к разным языковым группам, выявляется целый ряд общих или сходных моментов,— игнорировать их нежелательно: учет того, как сходные ситуации решаются русистами или славистами, может способствовать более широкому подходу к проблеме.

При решении этих сложных и важных задач неминуемо должны встать отнюдь не второстепенные по своей важности проблемы терминологического порядка. Получив, наконец, в отечественной тюркологии вполне удовлетворительное решение для сферы современной тюркской этнолингвистической номенклатуры, терминологические проблемы давно уже дождаются не менее реалистического разрешения и в области истории тюркских языков. Для историков тюркских языков Средней Азии, например, при прогрессирующей условности термина «староузбекский язык» становится все более существенным вопрос: как именовать тот стандартный книжный тюркский язык, который использовался в качестве инструмента культурного общения многими тюркоязычными народами не только в XIV—XVII вв., но и позже,— «чагатайским»¹⁵⁷ ли, среднеазиатским письменным тюркским или же средневековым тюрки, среднеазиатским тюрки¹⁵⁸?

Расширение хронологических и территориальных границ, в пределах которых этот стандартный язык функционировал как инструмент культурного общения, делает название «чагатайский язык» совершенно условным¹⁵⁹. Думается, что при решении этой актуальной терминологической задачи нельзя забывать о тенденции, которая достаточно наглядно выявилась на протяжении развития тюркской этнолингвистической номенклатуры в отечественной тюркологии и в соответствии с

¹⁵⁷ В перечне обсуждаемых к принятию терминов «чагатайский» присутствует по праву. Дело в том, что, несмотря на всю свою неопределенность, расплывчатость и условность, термин «чагатайский» все еще живуч в тюркологии — вопреки многочисленным декларациям о том, что термин этот «в настоящее время почти не употребляется» (из самых последних работ см.: С. Н. Иванов, Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969, стр. 5).

¹⁵⁸ О «среднеазиатском „тюрки“ и „тюрки“ Поволжья и Урала» см.: Хорезми, Мухаббат-наме. Издание текста... Э. Н. Наджиба, стр. 7. Противопоставление двух терминов — *тюрки* и *чагатайский* (см., например: С. Аманжолов, К истории изучения казахских диалектов,— «Изв. АН КазССР», № 77, Серия лингв., 1948, вып. 5, стр. 44) — при таком уточнении оказывается излишним.

¹⁵⁹ Ср. *староджагатайский* (П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II, СПб., 1897, стр. 91) и «*новоджагатайские* диалекты» (его же, Документ уйгурского письма Султана Омар-шейха, СПб., 1904, стр. 05); «*предчагатайский* (уйгурский) период» (И. А. Батманов, Краткое введение..., стр. 103).

которой происходило постепенное, но неуклонное сближение любого такого термина с распространенным историческим самоназванием тюркского народа (госп. языка). Высказываясь, таким образом, за использование термина «язык тюрки»¹⁶⁰, который с легкостью может принимать географические или временные уточнители-определения, подчеркнем, что с точки зрения современной русской тюркологической терминологии, где полностью сложилось противопоставление: обобщающей родовой термин *тюрки* — конкретно-видовой термин *турки*, обобщающее значение термина «язык тюрки» ныне не подлежит сомнению¹⁶¹.

Итак, изучение термина *чагатайский* в историко-лингвистическом аспекте с неизбежностью привело к жгучим вопросам истории узбекского литературного языка и шире — к проблеме общего исторического процесса функционирования литературного языка в Средней Азии. Естественно, что в пределах одной статьи нет возможности сколько-нибудь детально рассмотреть все эти вопросы¹⁶². Их научное разрешение появится только в результате комплексных целенаправленных исследований.

¹⁶⁰ Л. Лигети предложил термин *туркийский* (хотя и подчеркнул сам, что это термин «иноязычный и неудобопонятный») — см.: Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, — «Acta Orient. Hung.», Budapest, 1954, IV, 1—3, стр. 97.

¹⁶¹ Критику точки зрения «узбеки не турки», которая была сформулирована в пылу борьбы против пантюркизма, см.: «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», стр. 76 (ср. стр. 26, 39).

¹⁶² В заключение автор пользуется случаем поблагодарить всех, кто прочитал эту статью в рукописи и помог автору критическими замечаниями и советами, — А. Н. Кононова, С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака, Э. Р. Тенишева, Э. Н. Наджипа, В. М. Насилова, Э. А. Грунину, В. Д. Артамошину, Ю. В. Рождественского, Н. И. Толстого, Ю. Э. Брегеля.